

ЗАПИСКИ
И
ЗАМѢЧАНІЯ
О СИБИРИ.

Сочиненіе

.....ЫОЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СВИЩАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи предсшавлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября
13 дня 1835 года.**

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ книгѣ авпоръ не можеть выразишь себя; но какого-бы рода ни была она, всегда забрасываетъ онъ въ нее, мимоходомъ, самъ не замѣчая того, нѣсколько искръ своего нравственнаго бышійя, какъ природа вкрѣпляетъ въ проспой камень нѣсколько драгоценныхъ, свѣплыхъ блесковъ, окружавшихъ его, когда онъ скрывался еще въ темныхъ нѣдрахъ земли. Чшо путь успешвенность? Само-ли вещество, получившее блескъ и цѣнность отъ постороннихъ окропленій, или онъ, эти сроднившійся съ нимъ и уже безразлично соспавляющія его частичцы, копорыхъ блескъ напоминаетъ что-то высшее проспыхъ образованій земли? Не знаю. Но нсвольпо пробуждались во мнѣ эти мысли, когда читалъ

я Записки и Замѣчанія о Сибири... Въ самомъ дѣлѣ странно, что при такомъ предметѣ, гдѣ читатель вправѣ ожидать только замѣчаній Географическихъ, Историческихъ и Этнографическихъ, онъ меньше всего найдетъ ихъ, и вѣрно будетъ благодарить за эту милую сочинительницу. Въ нашъ псевдонимическій вѣкъ не рѣдкость встрѣтить книгу, гдѣ сравнительно имени автора или даже четко напечатанное имя женщины-сочинительницы не введетъ въ заблужденіе никого. Но въ предлагаемой читателю книгѣ, онъ, послѣ нѣсколькихъ страницъ, убѣдился, что ее писала женщина, и даже не свѣтская, не имѣющая никакихъ притязаній на авторство. Скажу больше: я имѣлъ порученіе дополнить и даже переправить эту книгу, но я не сдѣлалъ этого, и она передъ глазами читателя въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ-подъ пера сочинительницы. Что прибавили-бы для достоинства сочиненія ея нѣсколько мертвыхъ чиселъ, нѣсколько лишнихъ подробностей? Но еще меньше нужны были всѣ передѣлки, оглаживанья, вставки, исключенія, для пошлыхъ литературныхъ приличій. Я думаю и надѣюсь, читатели согласятся со мною, что именно простота описаній, искренность подробностей и поэзія патриархальной жизни старинной Сибири составляютъ истинную прелесть этой книги. Нѣкоторыя страницы, на примѣръ описаніе сва-

дебныхъ обрядовъ, гаданій, ворожбы, стариннаго быта, представляющъ такую поэзію, какой не найдемъ у многихъ нынѣшнихъ поэтовъ. И эпопею-же въ самомъ предметѣ, сколько въ томъ, какъ онъ описанъ. Холодный умъ, свѣтскій взглядъ, малѣйшая изысканность и, если можно сказать, манерность испортили бы тупѣе все. По этому-то, сохраняя описанія сочинительницы во всей полнотѣ, я не приводилъ въ порядокъ замѣчаній ея и даже не исключалъ повороченій. Не система, а просиодушіе, сила чувства и прелесть предмета составляютъ достоинство этого сочиненія.

Для незнающихъ хорошо Сибирскаго быта замѣчу, что, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ Сѣверной Россіи, не сохранилась такъ старая Русь, какъ въ Сибири. Не удивительно: первыми переселенцами въ нее были жители сѣверныхъ областей Россіи, куда не достигала ни Татарская племя, ни Польская ересь, ни Французскій вѣкъ знаменитаго Людовика XIV.

Въ концѣ приложено собраніе старинныхъ пѣсенъ, которое отличаетъ вѣрностью списковъ и конечно будетъ оцѣнено знающими.

ЗАПИСКИ И ЗАМѢЧАНІЯ

о

СИБИРИ.

—

Съ удовольствіемъ слышу я, что многіе образованные люди пишутъ о разныхъ частяхъ Сибири. Чтобы описать всю Сибирь, ея произведенія, народы, населяющіе ее, ихъ обряды, преданія, надобно посвящать на это жизнь свою. Я буду непродливъ говорить только о томъ, что видѣла, и не съ пѣмъ, чтобы попасть въ число писательницъ. Мнѣ прилично вспомнить о той странѣ, гдѣ прошла льна моей молодости. Я жила въ Сибири около тридцати лѣтъ.

Сибирью называютъ пространство, заключающее въ себя четыре губерніи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую. Къ Иркут-

ско́й губерніи причисляются Якутская и Камчатская области. Прежде причисляли къ ней и Пермскую губернію; да и въ самомъ дѣлѣ Пермская губернія сходствуетъ болѣе съ Сибирью, нежели съ Россією; но я собственно буду говорить объ Иркутской губерніи.

Въ Иркутскѣ полагаютъ около шестнадцати тысячъ жителей. Чиновники, купцы, мѣщане и цеховые составляютъ его народонаселеніе.

Въ Иркутской губерніи нѣтъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мѣстоположеніе города Иркутска прелестно, особливо когда подъѣзжаешь къ нему изъ Россіи. Лѣтомъ' надобно переезжать Ангара на *карбазъ* (такъ называютъ шамъ плоскодонное судно, въ родѣ барки). Ангара вытекаетъ изъ озера Байкала, верстъ за шестьдесятъ отъ Иркутска. Она соединяется близъ города съ Иркутомъ и общекаетъ Иркутскъ. Это прекрасная судоходная рѣка; вода въ ней чистая, дно каменистое; въ Иркутѣ дно песчано-глинистое, вода гораздо мутлѣе, и при соединеніи этихъ рѣкъ, каждая сохраняетъ свой цвѣтъ; въ Ангарѣ вода свѣтлая, прозрачная, отъ глубины кажется синяго цвѣта, а въ Иркутѣ отъ глинистой почвы дна вода мутная, красноватаго цвѣта. Иркутъ шире; онъ становится и вскрывается прежде Ангары, которая очень быстра, становится въ Декабрѣ и вскрывается въ Мартѣ. За рѣкой виденъ обширный лугъ,

а вдали Вознесенскій монастырь, въ кошоромъ
 мощи перваго Епископа Иркутскаго Иннокен-
 сїя. Каждый изъ жителей города нѣсколько
 разъ въ годъ идешъ туда помолишься угоднику.
 Монастырь хорошо выстроень и богато укра-
 шень. Въ немъ три церкви каменныя и одна де-
 ревяная, въ кошорой служилъ Иннокенсій и
 гдѣ прежде лежали мощи его. Въ 1805 году они
 перенесены въ Вознесенскую церковь и положе-
 ны въ великолѣпную серебряную раку. Церкви
 украшены серебряными вызолоченными иконами;
 кельи каменныя. Далѣе по берегу возвышающа
 горы, одѣшья зеленѣющимъ лѣсомъ, при подо-
 швѣ кошорыхъ разбросаны деревни.

—

Жители Иркутска почти всѣ бръютъ боро-
 ду и спригутъ волосы, не носятъ Русскихъ
 кафтановъ, и даже чернѣй народъ носитъ лѣ-
 тнѣмъ халашы, а зимою тулупы, крышые кишай-
 кою или нанкою; лѣпомъ круглыя шляпы и
 карпузы, а зимою шапки и мѣховыя карпузы.
 Оплечивельный нарядъ женщинъ нисшихъ сосло-
 вїй—покрывало, кошорое онѣ называютъ *накид-*
кою. Накидки бывають обыкновенно сипцевыя; но-
 сятъ и *канавапныя*, съ золопомъ. Прежде были
накидки канавапныя рублей по спу; и шерсть

многія за спыдъ почитаюшъ выйдти изъ дому безъ накидки. Обыкновенную одежду женщинъ изъ простаго народа составляютъ: рубашки съ широкими рукавами и узенькими запястьями (у пожилыхъ женщинъ бываетъ у рубашекъ высокій воротъ и широкій ворошникъ), юпка и душегрѣйка или шушунъ. Шушуны бываютъ различныхъ покрововъ. Голову повязываютъ плапкомъ. Прежде всѣ купчихи носили юпки и кофты, а на головахъ плапки; плапки были парчевыя, глазеповыя, тканыя, съ золотыми коймами, шпылыя золотомъ, битью, канителью; бывали плапки во спѣ пятидесяти рублей; дома носили въ доспапочныхъ и бѣдныхъ домахъ бумажныя вязаныя калпаки. Нынѣ всѣ молодыя женщины, купчихи, одѣваются точно такъ-же какъ и въ столицѣ. Кто прѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга, шопъ мало замѣтитъ разницы въ одеждѣ; за то его слухъ жестоко пострадаетъ отъ шамошняго выговора. Въ богатыхъ купеческихъ домахъ женщины съ давнихъ временъ подражали столичнымъ модамъ, и нигдѣ болѣе, я думаю, не сохранились наряды прабабушекъ. Въ маскарадахъ встрѣчаюте роброны, фуры, на головахъ кораблики; мужчинъ видятъ въ старинныхъ Французскихъ кашпанахъ. На женскіе наряды употребляли прежде шпофъ Французскій, Кишайскій, шпофъ по саржирону. Въ другомъ мѣстѣ я упомяну о разныхъ нарядахъ,

и названіяхъ разныхъ матерій, которыхъ имена скоро исчезнутъ.

Вообще во всей Сибири живутъ очень чисто. Полы въ домахъ не крашеные, исключая немногіе дома; но ихъ такъ чисто моютъ, что они кажутся даже палевыми. Вымывши полъ, спелютъ холстины, сшипыя во всю комнату, натягиваютъ ихъ и приколачиваютъ гвоздями, а сверху поспылаютъ ковры, или песпрыя, узкія, полосатыя холстины, которыя бывають также бѣлыя холщевыя, клѣпчатыя, полосатыя, тканыя пополамъ съ шерстью. Это издѣлія крестьянокъ тамошнихъ; онѣ красятъ пряжу и шерсть въ разные цвѣта нитками, иногда такъ хорошо, что ткань не линяетъ. Конечно, все это въ грубомъ видѣ; но замѣчу, что если-бы кто взялся испытать нитки, то, кажется, можно-бы имѣть изъ нихъ хорошія краски. Начиная съ комнаты, вездѣ найдете чистоту: въ кухню, въ погребъ, въ баню, и даже до такого излишества, что моютъ дома снаружи.

Въ Иркутскомъ уѣздѣ хлѣбъ вообще родится хорошо. Въ доказательство скажу, что въ обыкновенные урожайные годы цѣна ржаной муки онѣ сорока до шестидесяти копѣекъ. Землю никогда не удобряютъ, но по достаточному количеству оставляютъ на годъ или на два. Всѣхъ родовъ хлѣбъ родится тамъ хорошо, какъ-то: рожь, пшеница, овесъ, ячмень, грѣчиха, про-

со, копорого сѣюшь мало; пшеницы озимой не сѣюшь; конопля родятся хорошо, а льну сѣюшь мало: онъ не всегда хорошо родится. Холщы дѣлають изъ поскони. Подгороднія кресстьянки прядушь изъ пеньки много самыхъ шонкихъ веревочекъ, которыя называютъ *мотузъ*; его много расходится для вязанья бѣлки и для неводовъ и сѣпей. Овощи родятся изобильно, какъ-шо: коршфель, свекла, морковь, рѣпа, рѣдька, лукъ, пуспарнакъ, пепрушка, селлеря, укропъ, чаберъ, шалфей, мята, зоря, салапъ разныхъ родовъ; дыни и арбузы сажаютъ въ парникахъ; огурцы родятся, но не въ такомъ изобиліи, какъ въ Россіи; тыквы родятся довольно хорошо. Около города сажаютъ шабакъ и жѣль; они хорошо родятся. Поля и лѣса покрыты цвѣтами. Некоторыя назову я, какъ называютъ ихъ въ Сибири: *Сарана* разныхъ родовъ. Это родъ лилей; имѣеть луковичный корень, копорый Буряты употребляютъ въ пищу, особливо за Байкаломъ; они осенью роютъ его, заготовляя на зиму, и варятъ изъ него родъ каши; увѣряють, что это довольно вкусная пища. Полевой макъ, аспры, гвоздика, колокольчики, *жаркіе цвѣтки*, *кукушкины сапожки*, *лютикъ синій* и бѣлый, множество другихъ цвѣповъ; есть много бальзамическихъ и полезныхъ травъ, особливо около Байкала. Тамъ есть травы очень сильныя, и если ихъ много употребить, шо онѣ

вредны; таковы: брунецъ, воронецъ, черногрибъ, дикій перецъ и множество другихъ. Лѣса состоятъ изъ слѣдующихъ родовъ деревь: сосна, липшвяница, береза, ольха, пихта, осина, кедръ, пополь, черемуха, калина, рябина, дикая яблонь, ива, боярышникъ; нѣтъ липы, дубу, вязу и фруктовыхъ деревьевъ. Кустарники: шиповникъ, паволожникъ (или таволга), багульникъ, дикій розмаринъ, золотарникъ. Около Байкала и близъ селенія Тунки расцвѣтъ можжевельникъ двухъ родовъ. Ягоды: смородина черная и красная, малина, клубника, земляника, голубица, черница, княженика, коспяника; около Байкала есть морошка; брусники очень много, особливо по хребту горъ, окружающихъ Байкаль; клюквы мало. Съ Лены привозятъ ягоду, копорой я нигдѣ не видала, кромѣ Иркутска: это обльмха; цвѣтомъ она оранжевая, величиною съ барбарисъ, и косточки ея похожи на барбарисовыя. Пытались разводить плодовитыя деревья; привозили, на примѣръ, изъ Россіи яблонныя и грушевыя; они принялись, цвѣли, но не было плодовъ; прививали къ дикимъ яблонямъ, но не было успѣха. Впрочемъ, для охотника есть возможность имѣть плодовитыя деревья въ грунтовыхъ сараяхъ. Барбарисъ и крыжовникъ хотя росли, но плодовъ не было.

По лѣсамъ много разныхъ родовъ грибовъ, груздей и рыжиковъ.

Въ безконечныхъ лѣсахъ Иркутской Губерніи водятся разные звѣри, какъ то: медвѣди, волки, соболи, лисицы, росомахи, бѣлки, векши, лешяги, барсуки, хорьки, кропы, зайцы, кролики, ласпочки, бурундуки, дикія козы, кабаны и кабарга. Изъ птицъ: глухіе шеперева, обыкновенные шеперева, рябчики, кулики, дикіе голуби, кукушки, курапашки, драхвы; около рѣкъ и озеръ разныхъ родовъ утки, крохали, шурпаны, гагары, рыбоювки, гуси, лебеди, журавли, цапли; изъ хищныхъ птицъ: разныхъ родовъ ласпребы, коршунъ; изъ пѣвчихъ: синицы, синири, клесты, щуры, зяблицы, малиновки, ласпочки, чечѣшки; изъ мѣлкихъ обыкновенныхъ: плишки, сприжи, воробьи; есть совы и филины; много воронъ и сорокъ.

Домашній скотъ, такъ же, какъ и вездѣ въ Россіи, состояющій: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади. Рогатый скотъ пригоняютъ болѣе изъ Красноярска. Буряты имѣютъ большіа стада, но скотъ ихъ мѣлокъ и не шученъ. У Бурятъ Забайкальскихъ скотъ лучше, но его трудно доставлять въ Иркутскъ; зимой иногда привозятъ отъ нихъ говядину тушами. Дворовыя птицы: куры, утки, гуси, индѣйки; послѣднихъ мало водятъ. Рѣки изобилуютъ рыбой; въ нихъ есть: паймени, сига, лини, окуни, харіузы, щуки, караси, пискари, язи, сороки, налимъ; но главное продовольствіе Иркутска и его уѣздовъ состоя-

вялюшъ омули. Эта рыба родъ сельдей и ви-
 домъ на нихъ похожа; она очень вкусна, особли-
 во кшо къ ней привыкъ. Главный ловъ ея въ
 Августъ. Переправаясь черезъ Байкаль, къ рѣкѣ
 Селенгѣ, кошорая впадаетъ въ Вайкаль, промы-
 шленники являюшся съ запасомъ бочекъ и со-
 ли, а жевщины для чищенья рыбы. Чешунъ съ
 нея не счищаюшъ, а только распластываюшъ
 самую рыбу, вынимаюшъ изъ нея внутрен-
 носпъ и отдѣляюшъ икру, которую солягъ
 и кладушъ въ мѣшки и кадуски. Омули,
 кошорые ловятся позже, называюшся *ком-*
цовыми; они не такъ вкусны, но икра
 ихъ очень вкусна. Еще ловягъ омулей зимою,
 въ селеніи Бугульдейхѣ; пошому и называюшся
 они *Бугульдейскими*; ихъ продаюшъ зимою. Изъ
 Томска привозягъ зимою много свѣжей рыбы,
 какъ шо: осетровъ, стерлядей, нельмы (бѣлоры-
 бицы), муксуновъ. Но я еще обращусь къ ому-
 лямъ, эшымъ сельдямъ Иркутскимъ. Всѣ жители,
 богатые и бѣдные, любягъ ихъ, и когда при-
 возягся первые омули и икра, шо всѣ идушъ
 на берегъ *покупать омулей и икры свѣжаго*
засолу. А какъ вездѣ большую часть народо-
 населенія составляютъ люди небогатые, шо
 бѣдныхъ болѣе нежели богатыхъ идешъ поку-
 патъ омулей и икры. Мужчины, женщины, дѣши
 несушъ омуль или два и икры копѣйки на двѣ,
 въ капустномъ листѣ. Я еще помню, чшо лѣшъ

придцать пять тому назадъ, бочка омулей продавалась по тринадцати рублей; въ бочкѣ обыкновенно бываетъ тысяча или не много болѣе; но лѣтъ за пятнадцать цѣна возвысилась до шестидесяти рублей. Изъ Баргузина и Ольхона привозятъ юколу и порсу; первая болѣе дѣлается изъ щуки и сига. Изъ сига дѣлаютъ ее слѣдующимъ образомъ: цѣлую рыбу, распластавши, надрѣзываютъ поперегъ и вялятъ на солнцѣ; щуку только распластываютъ и вялятъ. Порсу дѣлаютъ изъ окуней и другой мѣлкой рыбы, но есъ сушатъ рыбу кусками, вмѣстѣ съ икрой. Порсу употребляютъ въ поспы для щей, какъ снѣдки въ Россіи. Еще привозятъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, изъ Томска, небольшую рыбку муксуны, сушеную, которую болѣе подаютъ на закуску. Когда привозятъ зимою изъ Томска осетровъ, то всякій, кто можетъ, заготовляетъ эту рыбу въ прокъ дома, а соленой хорошей рѣдко можно достать въ рыбномъ ряду. Лѣтомъ привозятъ живыхъ осетровъ, но они не дешевы, и потому эми не могутъ пользоваться только люди богатые.

Судя по тому, что я говорила о произведеніяхъ Иркутска и его уѣздовъ, не лзя назвать эмихъ вмѣстѣ голодными; тамъ есъ все нужное, кромѣ предметовъ роскоши; нѣтъ ананасовъ, апельсиновъ и другихъ фруктовъ; нѣтъ яблоковъ и

даже вишенъ; но это не составляет народнаго продовольствія. Иной, живши и въ Россіи, сроду не ѣлъ апельсиновъ, абрикосовъ. Также довольно дороги въ Иркутскъ вещи, привозныя изъ Россіи, пошому что дорого сподитъ провозъ; но человекъ достаточный можетъ имѣть все: варенье, обсахаренные плоды, сухіе фрукты, вина; даже шампанское и ромъ въ Иркутскъ не рѣдкость, но все это очень дорого. Зато есть много вещей, которыя довольно дешевы, особливо все нужное для домашняго продовольствія. Въ урожайные годы мука ржаная отъ 40 до 70 копѣекъ за пудъ; пшеничная хорошая отъ 1-го рубля 60 коп. до 2-хъ рублей; говядина отъ 2-хъ до 3-хъ рублей за пудъ; масло коровье отъ 16 до 20-ти рублей; конопляное 30 коп. за фунтъ; масло изъ кедровыхъ орѣховъ рубль фунтъ; крупа ячменная отъ двухъ съ половиною до трехъ рубл. пудъ; возъ сѣна отъ пяти до восьми рублей; сажень дровъ однопольныхъ, лучшихъ березовыхъ 5 р., сосновыхъ 2 р. 50 коп. и при рубл. Овесъ продаютъ не четвертями, но мѣшками; мѣшокъ, въ которомъ около трехъ четвериковъ, сподитъ 2 или 3 рубл. Овощи продаютъ так же мѣшками; мѣшокъ, слишкомъ два четверика картофеля, 8 гривенъ и рубль, свеклы и моркови 7 и 8 гривенъ, рыбы 40 и 50 копѣекъ; капуста сошная 4 рубл. Масло коровье, коно-

пшное и ореховое продаются безмянами; безмянь составляет два фунта съ половиною.

Каждый народъ прискиваетъ въ произведеніяхъ своей земли не только нужныя вещи, но и лакомства, свойственныя мѣсту его жительства. Простой народъ въ Иркутскѣ весной лакомится сосновымъ сокомъ. Вы спросите, что это такое? Весной женщины, которыя этимъ промышляютъ, идутъ въ лѣсъ, счищаютъ кору съ сосновыхъ деревьевъ, и тонкою проволокою сдираютъ находящіяся подъ корою пластны, толщиной въ карпузную бумагу, вершковъ въ шесть длины и вершка 3 ширины; это называютъ сокомъ. Многія продаютъ его рубли на при въ день. Его носятъ по улицамъ женщины и кричатъ: кому надо соку? Услышавъ этого призывъ, дѣти бѣгутъ покупать сокъ, да и взрослые все ѣдятъ его, говоря, что онъ здоровъ. Другое лакомство простаго народа: выжимки изъ кедровыхъ ореховъ. Когда дѣлаютъ масло, остатки эти называютъ *избойной*, продаютъ ихъ фунтами, или дѣлаютъ маленькія лепешечки, и продаютъ по копѣйкѣ, иногда и дороже. Сухую черемуху мѣлютъ мѣлко, обвариваютъ кипяткомъ, прибавляютъ сахару или меду и пекутъ съ этой начинкою пироги; это очень вкусно. Еще есть лакомство или лучше сказать забава: берутъ смолу съ листвлницы, кладутъ ее въ горшокъ и спавятъ

въ легкой жарь на нѣсколько часовъ; вынувши, проспуживаютъ и продаютъ кусками или лешками. Приготовленную такимъ образомъ, называютъ ее *сърю* и жуютъ, наиболье женщины почти всѣхъ сословій; но въ хорошихъ домахъ спыдаются *жевать*, особливо при поспоронникъ. Хотя это не слишкомъ хорошая привычка, но въ Индіи также любящъ жевать *беспель*, а въ Испаніи курящъ сигары. Вездѣ свои обычаи!

Въ Иркутскѣ два гостиныхъ двора наполнены разными поварями. Тутъ есть все, начиная отъ предметовъ роскоши, до самыхъ грубыхъ издѣлій; но нѣтъ такого раздѣленія лавокъ, какъ въ Россіи. Въ одной лавкѣ найдете вы сукно, шелковыя матеріи, холстъ, чай, сахаръ и разныя мѣлочи. Кромѣ этихъ рядовъ есть лавки, гдѣ прежде былъ базаръ, который переведенъ въ другое мѣсто и обнесенъ заборомъ. На базарѣ продаютъ крупу, орѣхи, бруснику, калачи, разныхъ сортовъ булки, ржаной хлѣбъ, сусло, вареное съ брусникой и черемухой, разные припасы. Въ Иркутскѣ нѣтъ овощныхъ лавокъ въ домахъ. Тутъ-же на базарѣ есть родъ лавочекъ, которыя называютъ балаганами, и въ нихъ продаютъ свѣчи, мыло, сѣру горючую и лиспяничную (которую жуютъ) и разныя мѣлочи. Зимною тутъ женщины продаютъ молоко замороженое. Я нигдѣ, кромѣ Иркутска, не видала, чшобы

продавали молоко *кругами* и *кусками*. Многие говорятъ, когда рассказываешь объ этомъ, что мороженое молоко не хорошо для употребленія; напрошивъ, я нахожу это достойнымъ подражанія. Вотъ какъ это дѣлается: зимою, когда есть лишнее молоко, которое хотящъ сберечь, выливаютъ вѣрное въ чистую каспрюлю, кладутъ въ него чистую лучинку и выставляютъ на морозъ. Черезъ нѣсколько часовъ оно замерзаетъ; тогда вносятъ его въ печь, даютъ не много оттаять и за лучину вынимаютъ изъ каспрюли; потомъ относятъ опять на холодъ и кладутъ въ чистую кадучку, которую закрываютъ, чтобъ молоко не исприлось. Когда нужно употреблять, приносятъ его и растаиваютъ. Не только молоко, но и сливки можно сохранять такимъ образомъ болѣе мѣсяца.

Иркутскъ можно почесть средоточіемъ и складочнымъ мѣстомъ Сибирской торговли. Всѣ товары, идущіе изъ Россіи, проходятъ черезъ Иркутскъ въ Кяхту, Якутскъ, Охотскъ, Камчатку. Изъ Россіи идутъ для Кяхты сукна, мерлужки, кошка, Нѣмецкіе бобры, корсакъ, юфть, сафьянъ, козель; также издѣлія нашихъ фабрикъ: запятезъ, плизъ, зеркала, красные ко-

раллы, которые Китайцы и Русские купцы называютъ *маржанъ*. Изъ пушныхъ шоваровъ, которые доставляетъ Сибирь, промѣниваются Китайцамъ: бѣлка, лисица, низкіе соболи, хорьки; бобры и выдры идутъ черезъ Американскую Компанію. Опть Китайцевъ получаютъ: чай разныхъ сорповъ, какъ-то байховый, червый, сквозникъ, цвѣпочный разныхъ сорповъ, зеленый и кирпичный, сахаръ леденецъ, часть китайки, дѣбы, канчи, фанзы, чанчи, флеръ, урубки, небольшое количество фарфору и деревянной, крышюй лакомъ посуды, разные сухіе фрукшы, виноградъ, плоды, табакъ куришельный. Есть еще много шоваровъ, промѣниваемыхъ опть Русскихъ купцовъ и вымѣниваемыхъ опть Китайцевъ; но я не упоминаю обо всемъ подробно, ибо не смѣю взять на себя описывать такой важный предметъ. Если-бы кто изъ господъ торгующихъ взялъ на себя трудъ описать нашу торговлю съ Китайцами, это было-бы весьма любопытно.

Въ Якутскѣ отправляютъ шовары, получаемые изъ Россіи, также разныхъ сорповъ чай, сахаръ леденецъ, ромъ и разные вина, муку ржаную и пшеничную, сухари, пряники, крупу, свѣчи восковыя, масло коровье и деревянное, табакъ, мыло, свѣчи сальные. Опшуда вывозятъ бѣлку, соболей, разныхъ родовъ лисицъ, медвѣдей, песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ, маноншовую

кось. Часъ товаровъ идетъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Ижигинскъ, въ Зашиверскъ и другія мѣста; отсюда получаютъ тѣ же пушные товары, о которыхъ упомянуто выше, кромѣ мѣлочей, вывозимыхъ болѣе каждымъ для себя, каковы напримѣръ перчатки разныя, очень хорошо вышитыя; изъ Камчатки и Ижиги чулки ровдужные, пѣрки, камлейки, унты *, вышки изъ жила и моржовыя клыки. Изъ Енисейска получаютъ бѣлку и небольшое количество другихъ пушныхъ товаровъ, также холстъ, ушны, рукавицы, нитки, капки бумажныя, вязаные чулки. Изъ всѣхъ товаровъ, проходящихъ черезъ Иркутскъ, отправляютъ нужное количество для города, а прочіе отправляютъ въ уѣздные города. Если чего не лзя имѣть въ Иркутскѣ, то это свѣжихъ плодовъ; все другое можно достать. Есть много предметовъ промышленности, которые совсемъ другимъ образомъ производятся нежели въ Россіи. Народъ привыкъ къ этому порядку вещей; напримѣръ, въ Иркутскѣ нѣтъ мучныхъ лавокъ; всякій покупаетъ въ торговыя дни, на рынкѣ, муку ржаную, пшеничную, крупу, овесъ; многіе заготовляютъ все это въ годъ, а кто не въ состояніи, тѣ покупаютъ по немногу. Есть хлѣбныя казенныя магазины, изъ которыхъ для бѣдныхъ отпуска-

* Мягкіе сапоги изъ шкуръ дикихъ козъ, мѣломъ внутри.

юшъ муку по пуду на семейство, дешево ба-
 базарной цѣны. Въ мясныхъ рядахъ, кро-
 мѣ говядины, можно купить всегда языки, спу-
 денъ и проч., но баранины продаюшъ очень ма-
 ло, телляпины нѣтъ; а если кому нужно, то
 покупаюшъ теленка и дома бьюшъ. Нѣтъ пше-
 ныхъ лапокъ, и если кому нужно, то беруть
 пшцу въ домахъ; у всякаго, кто живетъ до-
 момъ, есть дворовая пшца. На зиму, въ послѣд-
 нихъ числахъ Ноября, а иногда и раньше, смотря
 какова осень, буюшъ гусей, утокъ, куръ, ин-
 дѣекъ, и вычистивши, обледеляютъ каждую
 пшцу порознь, складываютъ въ кадки и засы-
 паюшъ снѣгомъ. Такъ какъ зима бываетъ по-
 стоянная, то пшца сберегается до Апрѣля и
 далѣе. Свиному и поросенку всегда можно ку-
 пить на рынкѣ; величины не продаюшъ на рын-
 кахъ, а всякій заготовляетъ ее дома; иногда
 можно и купить въ домахъ. Погребовъ зелен-
 ныхъ нѣтъ; все нужное заготовляютъ съ осе-
 ни; нѣтъ булочниковъ и нигдѣ не пекушъ крен-
 делей и хлебовъ, такъ называемыхъ Француз-
 скихъ. На рынкѣ продаюшъ калачи обварные и
 просиыя булки, ржаной и пшеничный хлѣбъ; но
 по большей части пекушъ все это дома. Разно-
 щиковъ нѣтъ никакихъ, кромѣ что весной и
 летомъ женщины продаюшъ лукъ, редьку, сокъ
 сосновый, о которомъ я упоминала, и ягоды. По-
 слѣдъ иногда каршофельную муку, которая шамъ

превосходной доброшы, масло конопляное, ореховое, и ореховую избойну. Въ Иркутскѣ также нѣтъ модныхъ магазиновъ. Кажется, что смѣшная модистка могла бы тамъ нажиться порядочно. Кондиторскихъ и пирожниковъ по-же нѣтъ. Меня, когда я прѣехала въ Россію, изумило множество вывѣсокъ, хотя я прежде и знала о нихъ.

Лѣтъ тридцать назадъ въ Иркутскѣ вели жизнь патриархальную. Хозяйки сами занимались хозяйствомъ; въ семействахъ, гдѣ были женатые братья, невестки ходили поочередно въ кухню, смотрѣли за приготовленіемъ кушанья, а дѣвицы разливали чай; весь домъ и хозяйство завѣдывали сами хозяйки. При свашаньѣ за дѣвицу никогда не спрашивали денегъ и приданого; всякій давалъ по своему состоянію; не было рядныхъ, и если кто просилъ денегъ, то такой женихъ получалъ отказъ; говорили, что *хочетъ жениться на деньгахъ*; и пошому женихи искали только, чтобы невеста была хороша лицомъ, хорошаго характера и была-бы *хозяйка*. Дѣвицъ съ малыхъ лѣтъ приучали къ хозяйству. Въ достопочныхъ домахъ все заготовлялось *въ прокъ, годовое*: мука, разная крупа, сѣмя конопляное, орехи кедровые, брусника, масло коровье; на зиму заготовляли солонину, капусту многими манерами, огурцы, грузди, рыжики, обварные грибы, варенье разное, овощи, коренья; къ лѣту

приготовляли вещьину, рыбу, языки, говядину провѣсную. Во многихъ домахъ макали свѣчи, два раза въ годъ: осенью и въ Марпъ; дѣлали свой солодъ; посылали служилелей за дровами, за вѣниками; заготовляли на годъ дресву, по ссѣль крупный песокъ: это вещь необходимая въ опрѣленномъ Иркутскомъ хозяйствѣ; ее доспаюгъ на кость, или лучше сказать на Ангарской олимпѣ, прошивъ города, или у Пешрушиной горы; тамъ копаюгъ ее и промываюгъ въ водѣ.

Купцы занимающіяся торговлею въ Кяхтѣ, ѣздятъ въ Якутскъ, Охотскъ и на ярмарки Цижегородскую, Ирбитскую и Ононскую. Съ Сентября ѣдутъ купцы сами, а нѣкоторые отправляютъ прикащиковъ въ Тунку, въ Баргузинъ, въ Илимскъ, въ Нижнеудинскъ и въ Верхнеудинскъ за покупкою бѣлки и пушныхъ товаровъ. Въ Ноябрь начинаютъ прѣзжать съ поварами и тогда-же прѣзжаютъ Буряты изъ Тунки, Каменки и Балаганска съ пушными поварами. Книзьки ихъ привозятъ довольно большія партіи; къ нимъ ѣздятъ на кварциры смотрѣть бѣлку и другіе товары; простые звѣроловы, у которыхъ небольшія партіи, возятъ въ саняхъ и носилъ по домамъ бѣлку, медвѣдей, соболей, волковъ, лисицъ и спрую кабарожью.

Осенью и зимою въ купеческихъ домахъ встаютъ очень рано; чай пьютъ со свѣчами, потому что съ разсвѣтомъ дня начинающіяся дѣла. Бу-

ряпы спараются придти когда еще чуть начинается свѣцать, но все знаютъ ихъ уловку, и обыкновенно заспавляють дожидаясь совершеннаго разсвѣта; тогда спотрянь поваръ и шоргутся. Когда куплено довольное число бѣлки и другихъ поваровъ, то ихъ раздѣляютъ на соршы; бѣлку вяжутъ въ бунты, по двадцати бѣлокъ; ашимъ занимаются многіе жители, такъ что бѣлковязаніе составляетъ особенное ремесло. Иногда въ одномъ купеческомъ домѣ вяжутъ бѣлку человекъ 10, 15 и 20. Они работаютъ всегда на хозяйскомъ хлѣбѣ, и ихъ кормятъ хорошо, поятъ чаемъ, а передъ обѣдомъ, ужиномъ и завтракомъ даютъ имъ по рюмкѣ водки. Связавши бѣлку, шочатъ въ шюки и опираютъ въ Кяхту, въ Москву или на ярмарки Ирбицкую и Нижегородскую. Лучшая бѣлка почитается Баргузинская, Тункинская подгородняя и Якутская; за тѣмъ слѣдуютъ Енисейская и Ленская. Соболі почитаются лучшіе Баргузинскіе, Нерчинскіе и Вишневскіе; они имѣютъ высокій волосъ и чернѣйшій цвѣтъ, но скоро опцвѣтають; Камчатскіе не такъ черны, но не такъ скоро и опцвѣтають. Соболю соршируютъ и разбирають на сѣроки; сѣроки дѣлятся на полусѣроки; связка изъ двадцати соболей кладется въ кипайчатый мѣшокъ, длиною прошивъ величины соболя, шириною вершковъ въ восемь; аши такъ называемыя сорочки дѣлаются обыкновенно изъ нело-

щеной синей китайки. Лисицы разбираются на десятки. Лучшие соболи отправляются въ Россію; Кишайцамъ промѣниваютъ низкіе соболи и то въ небольшомъ количествѣ.

Въ Иркутской губерніи одна казенная фабрика: Тельминская суконная и при ней хрустальная. На нихъ работаютъ ссыльные; она въ хорошемъ устройствѣ. Частные заводы есть кожевенные, мыловаренные, свѣчные. Ремесла, которыми занимаются жители, не въ лучшемъ состояніи, потому болѣе, что люди богатые стараются все нужное для себя выписывать изъ Москвы и Петербурга; однакожъ есть хорошіе ремесленники, какъ-то: серебряники, мѣдники, кузнецы, споляры, скорняки, портные, сапожники, башмачники, плотники. Это я говорю о свободныхъ ремесленникахъ; но въ Иркутскѣ есть еще *рабочій домъ*, гдѣ находится опредѣленный комплектъ ремесленниковъ изъ ссыльныхъ. Тамъ можно найдти почти всякихъ мастеровъ; даже есть часовщики и живописцы. По прошествіи поюженныхъ лѣтъ, шъ рабочіе, которые ведутъ себя хорошо, получаютъ дозволеніе селиться, и они уже населили такъ называемую Борисоглѣбскую слободу, которая составляетъ предместье города, близъ рабочаго дома.

Многіе изъ жителей мясники; изъ нихъ есть люди богатые; также много рыбаковъ, и они изъ роду въ родъ передаютъ свое занятіе; от-

купаютъ рыбныя ловли и аршелями ловятъ рыбу; зимою продаютъ ее въ рыбномъ ряду, а лѣтомъ на берегу, куда приплавливаютъ ее въ лодкахъ. Есть ремесленники, копорые принадлежатъ тамошнему краю исключительно: это ширяльщики и звѣровицки. Первые ширятъ въ кожи шовары, отправаемые въ Охотскъ и Якутскъ; вторые промышляютъ бѣлку, соболей, лисицъ и прочихъ звѣрей. Они уходятъ въ лѣса, по нѣскольку человекъ, въ извѣстныя имъ мѣста, болѣе около Байкала; тамъ у нихъ построены избы, и шуда забираютъ они съ собой нужное количество хлѣба и другихъ припасовъ, берутъ собакъ, и живутъ мѣсяца по два; уходятъ въ первыхъ числахъ Сентября, а приходятъ въ Ноябрь. Собаки у нихъ простой породы, но очень злы; они берутъ ихъ главною для спереженія. Звѣрей ловятъ кляцями или стрѣляютъ. Нѣкоторые крестьяне стрѣляютъ дикихъ козъ, также ловятъ пленками или силками птицъ, ставятъ кляцы на зайцевъ; но преимущественно этимъ занимающа Буряты. Многія женщины пекутъ сухари для Якутска, Охотска и Камчатки, ржаные и пшеничные двухъ сортовъ: простые и сдобные. Эти сухари не то, что разумѣютъ подъ названіемъ ихъ въ Россіи; это изъ пшеничнаго теста испеченныя, самыя маленькія булочки, копорыя высушиваютъ для того, чтобъ онѣ не портились; ржа-

ные сухари бываютъ ровными рѣзаными кусками. Крестьяне, живущіе по берегамъ Иркутна и Ангары, занимающіяся рубкою лѣса и дровъ. Весь лѣсъ, употребляемый на постройку домовъ, плавится по Ангарѣ и Иркуту; но главныя лѣсныя ярмарки бываютъ 8 и 20 чиселъ Іюля; особенно первая есть маленькій праздникъ или, лучше сказать развлеченіе для жителей. Кромѣ лѣса приплавляютъ на плотахъ вилы, грабли, лопаты, лукошки, плетенныя и просто сшитыя изъ бересты; также туязки (такъ называютъ тамъ бураки, которые употребляютъ въ Россіи для икры и меду). Ихъ дѣлаютъ очень искусно и разной величины, опѣ спакана до двухъ ведеръ; въ нихъ держатъ воду, квасъ, молоко, ягоды. Кто изъ Иркутскихъ, бывши ребенкомъ, не восхищался туязками? Для дѣшей дѣлаютъ ихъ писанные и съ рѣзбою, подъ которую подкладываютъ цвѣтныя лоскутья и сверху покрываютъ слюдою. Еще привозятъ на плотахъ мохъ, которымъ конопатятъ дома при постройкѣ. Лѣтъ сорокъ назадъ всѣ дома строились самымъ стариннымъ манеромъ. Обыкновенно дворъ обносили высокимъ заборомъ, что въ Иркутскѣ называютъ *зидлотъ*; большія ворота были заперты засовомъ и опирались только для проѣзда экипажей; для пѣшеходовъ была сдѣлана калипка, у калипки задвижка, къ которой привязывался ремешекъ. Если ремешекъ былъ продѣтъ на

улицу, по можно было поднять задвижку и оп-
ворить ворота, а если выдернуть, по надобно
было спучать; для этого приделывалось боль-
шое желѣзное кольцо, а подъ кольцомъ желѣз-
ная-же бляха, чтобъ слышнѣе было, когда спу-
чатъ. Передній дворъ вымощенъ бывалъ доска-
ми. Дома были высокіе и строились въ два
жилья: въ верху горницы, а нижнюю половину
занимала кухня, копорую называютъ тамъ под-
кльть, и кладовая, по тамошнему *подвалъ*. Если
домъ былъ въ одно жилье, по низъ занимало
подполье, родъ сухаго погреба, и подвалъ.
Крыльцо дѣлали высокое, внизу обнесенное
рѣшеткою, съ дверцами; на крыльцѣ были ус-
троены лавочки; сѣни большія поже со ска-
мейками кругомъ сѣнѣ и съ двумя окнами. Ль-
помъ въ сѣняхъ обѣдали и ужинали. Посреди
сѣней была дверь въ чуланъ, а позади чулана
ходъ на верхъ. Въ иныхъ домахъ были мезони-
ны, копорые называютъ въ Иркутскѣ *чердакъ*;
они были по большой части холодные. Горницы
раздѣлялись сѣнями на двѣ половины; ихъ обык-
новенно называли *задняя* и *передняя*; передняя
на улицу, а задняя во дворъ. Изъ сѣней входили
прямо въ горницу; тамъ на правой сторонѣ
израчтая печь съ вычурами. Въ перед-
немъ углу ставили образа; передъ образа-
ми висѣли лампы съ восковыми свѣчами. Подъ
ними въ углу ставили споль, крашеный го-

лубой, зеленый, или красный, съ бѣлыми краями; кругомъ были скамьи, которыя послѣ замѣнили софами (обитыми кожей) и стульями. Комната обыкновенно раздѣлялась на двое; за перегородкой была спальня и стоялъ шкафъ съ посудой. Въ заднихъ комнатахъ помещались дѣти; иногда старики хозяева уступали переднюю горницу женапымъ сыновьямъ, а сами жили въ задней. Трудно повѣрить, сколько помещалось людей въ двухъ, трехъ комнатахъ. Можно сказать, что гдѣ нынче тѣсно четверть челоуѣкамъ, тамъ въ старину жили десять челоуѣкъ, и были здоровы и веселы. Если не было кухни внизу, то она была выстроена во дворѣ, и тогда называли ее *зимовьемъ*. Жизнь была также патриархальна, какъ и убранство комнатъ. Въ проспые дни, вставши до свѣта, разумеется зимой, всѣ пили чай; мужчины зимой съ разсвѣтомъ, если семейство было большое. Послѣ этого, въ купеческихъ семействахъ, одни оставались дома, а другіе шли въ господиный дворъ; но прежде завтракали, потому что рѣдко приходили зимою обѣдать, а если и приходили, то поздно. Обѣдъ въ проспые дни, когда случалось много дѣла, былъ въ два часа; послѣ обѣда опять занимались всякій своимъ дѣломъ; часа въ четыре пили чай, а часовъ въ восемь или девять ужинали. Послѣ ужина женщины и особливо дѣвочки сидѣли и шили. Гдѣ въ семействѣ было нѣ-

сколько дѣвицъ и женщинъ, тамъ всѣ шили сами
 бѣлье, платье и разныя домашнія мѣлочи. Жен-
 щины въ Иркутскѣ большія мастерицы шить
 бѣлье, и щеголяли эпилъ одна передъ другою.
 Нигдѣ, я думаю, такъ хорошо не спегаюшъ
 одѣяль разными манерами; но въ домахъ доспа-
 точныхъ не спегали дорогихъ одѣяль; на по-
 были особенныя мастерицы и брали прежде
 рублей 30 или 40 за одѣяло; нынче эша работа
 стоить рублей сто или болѣе. Дѣвицы особен-
 но занимались разными рукодѣльями: вышивали
 шелками, золошомъ, фольгой, въ памбуръ и
 гладью; вышивали разными узорами полошвенцы;
 но главное занятіе было хозяйство. Въ большихъ
 семействахъ, какъ я уже сказала, ходили по-
 очередно въ кухню; но въ праздники или имени-
 ны тамъ заботились всѣ. Каждое Воскресенье
 ходили къ заупрени и къ обѣди. Обѣдь въ
 праздники былъ рано. После обѣда спарики оп-
 дыхали, а люди молодые вхали кашашься или
 въ госпи. Даже въ богатыхъ домахъ вся при-
 слуга соспола изъ двухъ или трехъ женщинъ;
 эшо были кухарка, горничная и при дѣшяхъ
 нянька. При такой числошъ и порядкѣ, какой
 наблюдался во всѣхъ домахъ, не мудрено, что
 хозяйкамъ много было дѣла. Они не знали эконо-
 мокъ и сами занимались выдачею всего. Ни въ
 одномъ домѣ купеческомъ не было лажеевъ; дол-
 жностъ ихъ исправляли мальчики, которыхъ

оплачивали родители или родственники для навыка къ торговлѣ. Такой мальчикъ, исправляя разныя порученія хозяевъ, долженъ былъ прислуживать и въ домъ; это продолжалось два, три года. Если онъ оказывался вѣренъ и расторопенъ, то ему поручали уже дѣла большей важности, а мѣсто его занимали другіе. Для черныхъ работъ имѣли работниковъ, которые исправляли и должность кучера. Когда бывали при домъ дворникъ или два, ихъ называли *караульщиками*. Они стерегли домъ поочередно, днемъ и ночью. Зимой почти въ каждомъ домѣ жили въ работниковъ Буряты. Они приходили въ городъ осенью и жили до Мая; тогда опять уходили въ свои улусы. Они привыкли жить въ Русскихъ домахъ и всегда исправляли, какъ не лъзя лучше, домашнія работы: ѣздили за дровами, рубили ихъ, возили воду, смотрѣли за скотомъ.

Около Иркутска множество лѣсу, и потому, лишь едва сплавилась зимняя дорога, многіе посылали работниковъ за дровами въ лѣсъ. Каждый день онъ долженъ былъ вспасть часа въ три пополудни и ѣхать на двухъ или трехъ лошадахъ. При трехъ лошадахъ отправлялись двое, а на одной или двухъ одинъ, и ѣздили верстъ за 10 отъ города, или много за пятнадцатъ; къ двумъ часамъ возвращались съ дровами. Когда много было навезено дровъ, то весной наня-

мали Буряты рубить ихъ. У кого были двѣ лошади, тѣ могли въ зиму заготовить такимъ образомъ сажень 20 дровъ. Иногда весной нанимали Буряты рубить дрова въ лѣсу, и для этого назначали имъ удобное мѣсто верстъ за 15 или за 20 отъ города; они рубили дрова и клали полусаженями. Зимой перевозили дрова на своихъ лошадяхъ или нанимали крестьянъ перевозить ихъ. Случалось, хотя рѣдко, что половину такой заготовки крали охотники до чужаго.

Зимой живутъ въ городѣ много Буряты. Они тамъ отправляютъ ремесло маклеровъ или сведчиковъ. Многие, сами перскупая у своихъ поваръ, носятъ его по домамъ, а обыкновенно принесть повару рублей на сто, и заплатить ихъ человекъ пять; но это болѣе все подгородные и бѣдные; жилищные изъ нихъ занимались скотоводствомъ и многіе земледѣльствомъ. Они доставляютъ большое количество сѣна; также ихъ промыселъ деревянная посуда. Они привозятъ чашки деревянные, корытца разной величины и лопки, которые называютъ въ Иркутскѣ стѣльницами.

Живущіе около Байкала привозятъ рыбу, орехи кедровые, ягоды (бруснику) и дичину. Женщины ихъ хорошо выдѣлываютъ овчины и шьютъ шубы, такъ что многіе Русскіе отдають выдѣлывать и шить ихъ. Они также покупають всякую вещь изъ спаргаго платья, особливо лоскутья

шелковые и суконные, а послѣ опвозяпть ихъ въ свои улусы. Женщины ихъ носяпть на шеѣ корольки разныхъ цвѣповъ; поясъ ихъ убранъ разными бляхами изъ олова, а у богатыхъ изъ серебра.

Живущіе около Балаганска привозяпть масло коровье; но его должно перепапливать для употребленія, попому что они наливаюпть его въ кожаные мѣшки и пузыри (которыя называюпть *чалпанами*), и отъ того оно имѣетъ дурной запахъ. Князьки ихъ называюптся *тайшами*; другіе чиновные люди *зайсанами* и *шуленгами*. Много естъ богатыхъ. Всѣ они ушверждаюпся въ чинахъ и званіяхъ Правительствомъ и имѣюпть коршики, но носяпть свое платье.

Довольно странно видѣпть ихъ на балахъ у начальниковъ въ ихъ шпофныхъ и баркашныхъ платьяхъ, съ ихъ Азіяпской фізіономіей.

Имянины праздновали въ Иркутскѣ обыкновенно вопть какимъ образомъ: утромъ искали множесиво пирововъ, сдобныхъ, изъ просшаго пѣсша, съ вареньемъ, изюмомъ, черносливомъ, винными ягодами, съ пшеномъ сарочинскимъ, капустой, морковью и другими начинками. Пироги разсылались къ родственникамъ по три и по чешьре пирога; гдѣ были маленькія дѣти, то клали маленькіе пироги по числу дѣтей. Разносили и развозили ихъ женщины. Вошедши въ комнату, женщина молилась Богу, кланялась хозяевамъ, и поставивъ пироги на столъ, просила

пишь чай къ мяннику или обѣдашь, какъ было приказано; потомъ отпралялась въ другой домъ. У кого было много родни, тѣ разсылали нѣсколько женщинъ съ пирогами. Знакомыхъ звали безъ отсылки пироговъ. Вечеромъ, когда прѣзжали гости, подавали вина, потомъ кофе (хотя и не во время) и чай; къ чаю подавали женщинамъ каждой шарелку съ разнымъ пирожнымъ. Въ комнахъ, гдѣ сидѣли гости, стоялъ столъ, уставленный вареньями и фруктами; мужчинамъ подавали послѣ чаю, вина и пуншъ. Они говорили о торговлѣ, о вновь полученныхъ извѣстїяхъ, о томъ, что пишется въ газетахъ, которыя многими получаютъ. Иногда вечеръ оканчивался танцами и ужиномъ, но никогда не видно было карты.

—

Легче за тридцать, свадьбы отпраляли въ Иркутскѣ со многими обрядами. Какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ, сначала отецъ и мать совѣщались между собою; потомъ призывали жениха, объявляли какую невѣсту назначающъ ему, и если она ему нравилась, то собирали ближнихъ родственниковъ и совѣщались съ ними; но это было уже только обрядъ, гдѣ объявляли, что намѣрены женить сына. Тогда изъ среды родныхъ назначали одного, кого по-

читали способнымъ къ переговорамъ. Если назначаемая невѣста не нравилась, то женихъ могъ самъ избирать, только съ согласіемъ родителей. Можешь быть, не много мѣсь въ Россіи, гдѣ браки шакъ безприспратны. Со стороны родителей и самого жениха считали главнымъ, чтобъ невѣста была хороша собою и кропкаго характера, и чтобы семейство ея было извѣстно съ хорошей стороны. Обыкновенно говорили: «Лучше взять безъ приданого, но добраго роду.» Дочери сварливой женщины — могли спокойно сидѣть въ дѣвкахъ, потому что о нихъ говаривали: *«яблоко не далеко падаетъ отъ яблонки.»* Хорошей рекомендаціей считалось и то, когда старшая сестра, вышедши за мужъ, была хорошая хозяйка и починительна къ старшимъ въ семействѣ. Я упомянула уже, что о приданомъ никогда не ридились; всякій давалъ по своему состоянію. Много ешь пословиць къ этому случаю, копорыхъ я не слыхала нигдѣ въ другомъ мѣсь. Напримѣръ: *«Платье на грядкѣ, уродъ на рукѣ. Не съ высокими жить хоромами, не съ частыми переходами, а жить съ человекомъ. Не жени сына на теишь, не отдавай дочери за свекра. Жена не скрипка, на стижку не повѣсишь. Последняя клонилась къ тому, чтобъ мужъ могъ содержать жену. Дѣвиць можно было видѣть у обѣдин, на еговорахъ, или у знакомыхъ; но никогда не дѣлали*

смотровъ, какъ ведется во многихъ мѣстахъ Россіи. Почли-бы за обиду, если-бъ кто предложилъ такую невѣжливостъ. Иногда дѣлалось это, но инкогнито, т. е. приглашали невѣсту куда нибудь къ знакомымъ въ гости, гдѣ были женихъ; однако родители и невѣста не знали этого. Когда предварительно было все улажено, то свать отпралялся въ домъ невѣсты и дѣлалъ предложеніе. Обыкновенно съ одного раза не рѣшались, а просили дать время подумать и посоветоваться съ родными; это дѣлалось даже и въ такой случаѣ, когда не намѣрены были выдавать: считали невѣжливостію опоздать съ перваго раза. Если-же почивали союзъ приличнымъ, то приглашали ближнихъ родственниковъ, и посоветовавшись съ ними, назначали день *рукобитья*. Прежде никогда не спрашивали согласія невѣсты: она должна была повиноваться слѣпо волѣ родителей; теперь это уже вывелось. Въ назначенный день прѣзжалъ свать. Обрядъ рукобитья состоялъ въ томъ, что зажигали свѣчи у образовъ, молились Богу, и отецъ и мать, или пошь, кто заступалъ ихъ мѣсто, давали руку свапу и шили за здоровье помолвленныхъ. Женихъ и невѣста не бывали при этомъ обрядѣ. На другой день прѣзжалъ свать, и назначали день сговора; до шѣхъ поръ помолвленные не могли видѣться. Въ день сговора родители, женихъ, свать и ближ-

нѣ родсшвенники прїѣзжали въ домъ невѣсты. Невѣста, одѣтая какъ можно лучше, сидѣла, окруженная подругами, въ особенной комнатѣ. На стоворъ звали не только родныхъ, но и знакомыхъ. Въ другой комнатѣ ставили столъ, покрывали его скашперпью, и вокругъ убирали лентами, копорья опускали фешонами; по угламъ прикалывали баншы. Весь столъ ушавляли конфектами и вареньями, копорыхъ иногда ставили до сорока шарелокъ; у бѣдныхъ ставили орѣхи, пряники, ягоды. Невѣсту выводили—прежде близкая родсшвенница, а пынче отецъ или мать. Она здоровалась съ прїѣзжими женщинами и спановилась на свое мѣсто. Тутъ подходилъ къ ней женихъ и здоровался; потомъ подходили прїѣхавшіе съ нимъ мужчины; потомъ женихъ дарилъ невѣсту, а она жениха; наконецъ онъ бралъ за руку невѣсту, и садилась за столъ. Прїѣхавшіе съ женихомъ госпи садилась поже за столъ: женщины по правую, а мужчины по лѣвую руку; дѣвицы начинали пѣть пѣсни. Сначала пѣли пѣсню женику съ невѣстою, потомъ госпямъ по сваршинству; между пѣмъ подавали вина, кофе, чай, пуншь. Когда были пропѣшы всемъ прїѣзжимъ госпямъ пѣсни, то одна изъ дѣвиць ставила на столъ шарелку или подносъ, на копорый каждый изъ прїѣзжихъ госпей клалъ деньги: въ богатыхъ домахъ золотыя, серебряныя и ассигнаци, а у бѣдныхъ мѣдныя. Про

свапа пѣли особенную пѣсню, въ кошорой его бранили. Посидѣвши часа два, госпи собирались домой; ихъ удерживали. Когда всѣмъ госпямъ прошѣшы пѣсни, то пѣли про невѣсшу. Послѣ отъѣзда жениха начинали танцовать; иногда женихъ съ молодыми мужчинами прѣзжалъ танцовать на другой день. По упру онъ присылалъ невѣспѣ чаю, сахару и конфекшовъ, а вечеромъ являлся со свапомъ и нѣсколькими изъ родшвенниковъ; шупъ назначали день свадьбы. Между шѣмъ женихъ ѣздилъ къ невѣспѣ, дарилъ ее разными вещами, а дѣвицамъ привозилъ конфекшовъ. Когда онѣ пѣли пѣсни, то обыкновенно давали имъ деньги. Рѣдко онѣ прѣзжалъ одинъ; почти всегда съ нимъ являлись молодые мужчины. У невѣспы госпили подруги, и шупъ-то холоспые высманпривали невѣспѣ. Пѣсни пѣли обыкновенно дѣвушки и женщины, которыя до самаго времени свадьбы шли ей приданое и прислуживали. Дѣвицы дѣлили между собою собранныя деньги, и иногда сборъ ихъ просширался до 200 рублей. Дни за два до свадьбы невѣспѣ съ пѣснями расплешали косу и дѣвицы дарили баншами изъ леншъ. Въ эшопъ день водили ее въ баню. Наканунъ свадьбы вечеръ назывался дѣвичьимъ вечеромъ или дѣвичникомъ. Прѣзжалъ женихъ съ тысяцкимъ, свахою и болярами. *Тысяцкій* обыкновенно былъ человекъ женатый и почешный, близкій; родшвенникъ, или

человѣкъ уважаемый въ семействѣ. Бояръ было шрое или чешверо; двое изъ нихъ назывались *малые бояре*, или *меньшіе*; это по-же, что нынѣ-че шаферы. Сваха была близкая родственница или корошкая знакомая. Въ дѣвичникъ ояпъ сядились за споль и пѣли пѣснѣ. Но шупъ сядилась уже и невѣстна сваха, которую выбирали изъ родныхъ. Въ дѣвичникъ посѣщеніе было не продолжительно. По опъѣздѣ жениха, невѣстпу усаживали за споль вмѣстѣ съ подругами; дѣвицы пѣли пѣснѣ. Въ это время прѣзжали двое меньшихъ бояръ и привозили ларець и шуалепъ. Тогда пѣли пѣсню. Боярамъ подносили вина и дарили ихъ, шюпрѣ по соспоянню невѣстпы, жилешами, перчанками, шелковыми чулками, или плапками. Ларець или коробка шс-же, что въ Парижѣ свадебная корзинка. Тамъ, по соспоянню жениха, были болѣе или менѣе дорогія вещи; но обыкновенно находились: серьги, перстенъ, перчанки, лешпы, бѣлила, румяна, мыло, гребень, булавки, шимъки, помада, духи, вѣсръ, гребенка, цвѣшпы, плапки ручные и одна или двѣ пары чулковъ и башмаковъ, изъ которыхъ въ каждый клали по соболю. Приданое невѣстпы обыкновенно опправляли по ушпру въ день свадьбы. Когда все было гошово, то обыкновенно присаживались и пошомъ молялись Богу, благословляли невѣстпу образомъ, который опсыдали съ приданымъ, и оспавляли

только шуалешъ и ларчикъ жениховы; ихъ отпра-
сылали уже тогда, когда невѣсту взяли къ вѣн-
цу. Съ приданымъ отпраплялась женщина, копо-
рая убирала сивальню и все приводила въ поря-
докъ; ее называли *постельница*; у ней были ключи
отъ сундуковъ. Съ приданымъ посылали
хлѣбъ-соль и сладкій слоеный пирогъ. Убранств-
во въ спальнѣ было слѣдующее: кровать долж-
на быть женихова; на постель надѣвали шелко-
вую наволочку, клали простыню сверхъ нея, а
если была зима, то шелтое одѣяло: лисье,
песцовое, или даже соболье; сверхъ его одѣяло
канфовое или канчовое, вышитое въ узоръ;
шесть подушекъ съ кисейными наволочками, об-
шитыми оборкой. Занавѣсъ была вещь по-же
необходимая. У богатыхъ бывали занавѣсы Кипай-
скіе, шитые или рисованные, канчовые, канфо-
вые, или гарнишуровые; у бѣдныхъ бѣлые или
ситцевые. Къ постель принадлежали разные
вещи, какъ навримеръ: туфли для же-
ниха и башмаки спальныя или упренніе для не-
вѣсты; туфли и башмаки бывали вышитыя зо-
лотоиъ и серебромъ по карпѣ, или бархатныя
вышитыя; халатъ для жениха и коропенькая
шубочка для невѣсты, родъ нынѣшнихъ каца-
веекъ, съ длинными рукавами. Еще непременно
нужно было пологенце съ широкими кружев-
ными концами или вышитое; пологъ уборный
шпаль, простой деревянный, съ выемкою въ сре-

днѣ; но его обшгивали розовой шафшой во-
 кругъ, а сверху шафшы кисей въ шри фалбалы,
 которыя иногда обшивали кружевомъ. На него
 спавили шуалетъ съ зеркаломъ; по концамъ двѣ
 подушки на розовой шафтѣ, кисейныя; сверху
 этихъ подушечекъ кдали другія, вышитыя зо-
 лотомъ, и разспавляли на столнкѣ разныя ко-
 робочки, ящички Китайскіе лаковыя, чепки и
 подушечки душистыя, разныя рѣзныя костяныя
 вещицы, духи и всѣ мелочи для дамскаго шуале-
 та. По отпращиваніи приданаго начинали одѣ-
 вать невѣсту; надѣвая каждую вещь, невѣста
 креспилась. Когда все было готово, по благо-
 словляли невѣсту образомъ, и она прощалась съ
 опцемъ, машерью и подругами; ее сажали за
 споль, вокругъ котораго садилась дѣвицы.
 Споль былъ покрытъ, какъ обыкновенно для
 обѣденнаго спола, и успавленъ кушаньями и
 пирожнымъ; посрединѣ спавили большой хлѣбъ,
 а на него серебряную солонку съ солью. Между
 шѣмъ у воротъ обыкновенно караулили жени-
 ха, и когда только показывался поѣздъ его, по
 давали знать; дѣвицы вспавали изъ-за спола, а
 подлѣ невѣсты сажали маленькаго мальчика или
 дѣвочку, продавать косу. Женихъ прѣзжалъ съ
 тысяцкимъ, боярами и свахой; впереди шелъ
 богоносъ съ образомъ, обыкновенно небольшой
 мальчикъ, родственникъ. Поѣздъ невѣсты со-
 спавляли: сваха, шри провожающыя молоды

женщины, шрое мужчинъ и мальчикъ съ образомъ. У невѣсты тысяцкѣй давалъ мальчику, сидѣвшему подлѣ ея, деньги и ссаживалъ его: это называлось *купить* косу. Пошомъ всѣ сажались за столъ; посидѣвши не много, когда были прочѣны всѣмъ пѣсни, вспавали изъ-за стола; отецъ и мать брали руку невѣсты и отдавали жениху, прося въ короткихъ словахъ любить и лелѣять ее. Кучеровъ, которые были съ жениховыми экипажами, дарили плашками. Помолвишись Богу, выходили и ѣхали въ слѣдующемъ порядкѣ: богоносы вмѣстѣ и впереди всѣхъ, за ними тысяцкѣй съ женихомъ, пошомъ бояре и сваха. Жениховъ поѣздъ ѣхалъ впереди; за нимъ невѣста со свахою и провожающими. У богатыхъ были кареты и коляски; у кого не было, тѣ просили у знакомыхъ. Кареты были въ Иркутскѣ только у главныхъ чиновниковъ, и всѣ они охотно ссужали ими. На вѣнчаніи иногда въ церкви пѣли пѣвчіе. Сваха невѣстина разспилала *подножье*, которое по окончаніи обряда брали дѣтки. Новобрачныхъ встрѣчали, съ хлѣбомъ и солью, на крыльцѣ отецъ и мать жениха. Если было льщю, то шуптъ-же и благословляли образомъ, а зимою эштошъ обрядъ происходилъ въ комнатѣ. Новобрачныхъ и гостей сажали за столъ и подавали чай, потому что женихъ и невѣста посидѣлись до вѣнца. Пошомъ начинался столъ, во время котораго играла музыка; на дворѣ высша-

вляли кадѣ съ пивомъ и подавали вина. Кучеровъ, прѣхавшихъ съ невѣстными экипажами, дарили платками. Меньшіе бояре послѣ вѣчанія ѣздили къ опцу и матери, поздравивъ ихъ съ новобрачными.

У богатыхъ опецъ и мать въ этотъ день не ѣздили къ свахамъ; у нихъ, по опускѣ невѣсты къ вѣнцу, ѣдали ближніе родственники и дѣвицы, а по окончаніи ѣды разъѣжались по домамъ. У новобрачныхъ послѣ ѣды подавали кофе, чай и десертъ; рѣдко танцовали въ этотъ день. Провожатые уѣзжали домой; оставалась одна сваха. Тогда выселцкій и бояре брали образа невѣсты и жениха, зажигали свѣчи и въ сопровожденіи почепныхъ госпѣй вели новобрачныхъ въ спальню; выпивши за здоровье ихъ, уходили. Почти во всю эту ночь въ домъ новобрачныхъ цѣли, плясали и порядочно подпивали. Сваху, одаривши, провожали домой двое меньшихъ бояръ. Тамъ начиналась такая-же суматоха, какъ и въ домъ новобрачныхъ: пили, плясали, и хотя пить вообще было въ большомъ зазорѣ, но въ такихъ случаяхъ все разрешалось, и кто не хотѣлъ пить, цѣхъ обливали виномъ. Поутру молодая дарила свекра, свекровь, тысяцкаго, бояръ, родственниковъ и домашнихъ служителей приличными по состоянію подарками. Всякій, принявши подарокъ и выпивши вина, упирался подаркомъ и цѣловалъ молодую. Свекру и свекрови,

сверхъ другихъ подарковъ, молодая дарила понкиа полощяныя рубашки; свекоръ, свекровь и ближніе родственники опдаривали молодую взаимно. Потомъ молодой съ пысыцкимъ и боярами ѣхалъ въ домъ тещя, кланялся въ ноги тещю и тещю и благодарилъ за воспитаніе жены. У нихъ уже накрытъ былъ столъ, на которомъ, между другими кушаньями, было большое блюдо съ понкими молочными блинами, обсыпанными сахаромъ и коринкою. Молодой, положивъ блинъ на шарелку, подносилъ вина, сначала тещю, который выпивалъ рюмку и закусывалъ блинами. Потомъ зять дарилъ его, и такимъ - же образомъ подчивалъ и дарилъ тещу и всѣхъ родныхъ, и домашнихъ служителей. Наконецъ звалъ тещя, тещу и всѣхъ родныхъ къ себѣ въ гости. Въ этотъ день бывалъ у него большой столъ, а вечеромъ балъ; на другой день опять обѣдъ. Такъ въ домъ новобрачныхъ пировали шри дни. По окончаніи веселій, молодые ѣздили съ визитами ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ, которые были на свадьбѣ. Слущя нѣсколько дней, тещя давалъ для молодыхъ и для новыхъ родственниковъ два дни сряду пиръ, и шри кончались всѣ обряды свадьбы. Гости и всѣ, кто пировалъ на свадьбѣ, посылали въ домъ молодыхъ и въ домъ невесты хлѣбъ-соль, которая состояла изъ большаго хлѣба и солонки съ солью; многіе прибавляли къ этому

Фунтъ чаю, а у недоспающихъ людей что нибудь изъ провизіи.

При рожденіи младенцевъ были обряды слѣдующіе: въ то время, когда новорожденнаго мыли, клали въ воду серебряныя или золотыя деньги, копорыя брала бабка. Между шѣмъ извѣщали родныхъ, и они прїѣзжали навѣщать родильницу. Каждый посѣпипель или посѣпипельница привозили серебряныя деньги, иногда ассигнаціи, а у бѣдныхъ мѣдныя деньги, копорыя и клали подъ подушку родильницѣ или ребенку. Въ крестины, по окончаніи духовнаго обряда, былъ обѣдъ, ужинъ или закуска; но во всякомъ случаѣ подавали кашу изъ сарочинскаго пшена, вареную на молоко, а въ постѣ на водѣ. Постную кашу обыкновенно обсыпали сахаромъ. Сначала подносили вина, а потомъ кашу; и опъ этого естъ пословица: *я у него на крестинахъ кашу пль*. На кашу повивальной бабкѣ клали деньги. Если дитя было перворожденное, то часто, подшучивая надъ опцомъ, старались приготопить ему ложку каши съ солью и съ перцомъ, и говорили, что онъ долженъ раздѣлить спраданія матери. Колыбели, копорыя въ Иркутскѣ называютъ зыбками, обыкновенно были висячія на ремняхъ; для этого въ полокъ ввершывалось кольцо, къ копорому привѣшивали колыбель. Онѣ очень удобны. Родильницу непременно водили въ баню, сначала, если только

позволяло сколько нибудь ея здоровье, каждый день, а послѣ черезъ день, говоря: *банька вторая мать*. Послѣ бани поили ее *взваромъ* изъ пива, въ который клали изюмъ, черносливъ, инбирь и калганъ, или дѣлали его другимъ образомъ: варили пшено сарочинское съ изюмомъ и черносливомъ въ пивѣ. Дѣшны никакой не было; спарались какъ можно болѣе кормишь родильницу, и Богъ знаетъ какъ все это обходилось безъ дурныхъ послѣдствій. Напрошивъ, родильница скоро поправлялась, и мало бывало какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ. Въ девятый день *размывали руки*. Этотъ обрядъ есть во всей Россіи. Въ Сибири происходилъ онъ такимъ образомъ: приносили кружку чистой воды, въ которую клали серебряныя деньги, и родильница поливала три раза бабкѣ воды на руки, а ша ей обрашно. Потомъ дарили бабку; но подарки, даже въ богатыхъ домахъ, были маловажные: рублей 15 и 20 денегъ, нѣсколько фунтовъ хорошаго мыла и аршина при полошна, или холста; иногда къ этому прибавляли фунтъ чаю. Дѣшей рѣдко кормили грудью, а еще рѣже нанимали кормилицу. Обыкновенную пищу ребенка составляло коровье молоко, которымъ кормили, вливая его въ рожокъ.

Описывая, какъ умѣю, разные обряды Иркутскихъ жителей, наконецъ я приступаю къ тому неизбежному въ концѣ жизни обряду, о ко-

поромъ челоуѣкъ не можетъ самъ заботиться, но оставляетъ это другимъ; я говорю о похоронахъ, и опишу, какъ онѣ отправляются въ домахъ достопочныхъ. Известно, что у бѣдныхъ бываетъ то-же самое, только въ маломъ видѣ. По окончаніи релігіозныхъ обрядовъ, умершаго кладутъ на столъ, который убираютъ полошномъ или кисеей и черными ленпами, ставятъ подсвѣчники, полъ усыпляютъ ельникомъ, эшимъ съвернымъ кипарисомъ. Дѣти и ближніе родственники бываютъ попеременно при тѣлѣ усопшаго. Прежде жена и дочери непременно должны были сидѣть при тѣлѣ усопшаго и *прищипать* со слезами, высчитывая всѣ добрыя качества его. Если кто не соблюдалъ этого, то говорили, что рады и не жалуютъ о смерти его; надобно было, если нѣтъ слезъ, закрыть глаза плапкомъ, положить голову на столъ, гдѣ лежатъ покойникъ, и приговаривать. У дѣвицъ, при смерти отца или матери, распускали волосы по плечамъ, завязывая голову чернымъ плапкомъ. Тогда не знали плѣрезовъ и траурныхъ чепчиковъ, и мало кто шилъ траурное платье изъ фланели: оно обыкновенно дѣлалось изъ черной нелощеной китайки, самымъ простымъ покроемъ. Даже при этомъ случаѣ видно было гостепріимство Сибиряковъ: къ покойному ходили всѣ знакомые, многіе и чужіе: знакомые изъ приличія, а посторонніе посмотришь, какъ одѣтъ,

какою парчою покрыть, и плачутъ-ли родные; но всякому приходящему подавали рюмку вина и чаю. Для того приспавлены были особые люди, и подъ ихъ надзоромъ самовары кипѣли отъ утра до вечера. Одинъ изъ вѣрныхъ людей подавалъ милоспѣнню; разсылали по возможности подаянїя по монастырямъ, богадѣльнямъ, въ оспирогъ и въ больницы; служили два раза въ день паннихиду. Между тѣмъ приготавлился къ похоронамъ, которыя обыкновенно бывали въ претїей день. Въ Иркутскѣ нѣтъ *готовыхъ* гробовъ, и нѣтъ людей, которые-бы дѣлали изъ этого промысла; праура не опускаютъ на прокатъ, и даже всѣхъ покойниковъ носятъ на носилкахъ, покрытыхъ сукномъ или ковромъ. Гробъ заколачиваютъ на кладбище. При шествїи шуда, впереди идетъ человекъ съ образомъ, потомъ идутъ священники; иногда приглашаютъ архїерея и архимандрита; попомъ несутъ крышку, покрытую покровомъ; за тѣмъ гробъ, обитый бархатомъ, матерїей, или крашеный и покрытый парчой, или другой какой матерїей, по соспоянїю. Обыкновенно шло опѣваютъ въ приходской церкви и попомъ несутъ на кладбище; гробъ опускаютъ въ могилу на колесъ, который дѣлаютъ нищими; наконецъ служатъ паннихиду, раздаютъ милоспѣнню и возвращаются домой. Въ этотъ день бываетъ большой обѣдъ, который называютъ *горячимъ*.

Кромѣ священниковъ и причетниковъ приглашаются на него родственники и знакомые; кому угодно изъ поспорожнихъ, всякій можетъ придти и обѣдать: никому не отказываютъ. По прїѣздѣ съ могилы, сначала подаютъ чай, потомъ служатъ панихиду и садятся за столъ. Первое блюдо подаютъ блины, но не гречневые, которыхъ мало и знаютъ въ Сибири, а пшеничные молочные; въ поспѣ поспные. Потомъ подаютъ обыкновенныя кушанья и всегда готовятъ ихъ множество. Обѣдъ заключаютъ киселемъ молочнымъ со сливками, а въ поспѣ поспнымъ, съ миндальнымъ молокомъ, или медовою сыпцою. Когда поспавши на столъ кисель, то всѣ вспаютъ, поютъ вѣчную память, садятся и кончаютъ обѣдъ. После обѣда, какъ и вездѣ въ Россіи, поютъ лицо и разносятъ напитки. Тутъ подаютъ чай и разъѣзжаются по домамъ. Въ этотъ день, около вечера, и въ слѣдующіе, родные ѣдутъ на могилу служить панихиду, и ничто не удерживаетъ ихъ: ни дождь, ни морозъ. Бѣдные, которые не могутъ этого сдѣлать, ходятъ по субботамъ служить панихиду; это продолжается сорокъ дней. Между тѣмъ опдаютъ читать годовые псалмы и сорокоусты, кормятъ нищихъ, зимою въ комнатахъ, а лѣтомъ во дворѣ, гдѣ расставляютъ столы и собираютъ человекъ до трехъ сотъ и болѣе. Столъ дѣлаютъ хорошій; щи и похлебки ва-

ряпъ въ кошлахъ, пекутъ множество пироговъ, блиновъ, жаряпъ жаркое, дѣлаюпъ кисель и варяпъ пиво. Когда сберется много нищихъ, по-запираюпъ вороша, чтобъ не было безпорядка; подаюпъ имъ по рюмкѣ вина и сажаюпъ за столъ. Хозяева и домашніе сами угощаюпъ гостей. Послѣ обѣда выпускаюпъ ихъ по-одиначкѣ и одѣляюпъ деньгами. Иногда бываетъ обѣда при въ день, и что оспается опъ нихъ, ошвозяпъ въ оспрогъ, чтобъ никакихъ оспашковъ опъ эпо-го днѣ не было. Въ шеченіе сорока дней бываетъ поминovenіе. Въ девятый и двадцатый день обѣдаюпъ только ближніе родственники, но въ сороковой бываетъ большой званый обѣдъ; пошомъ еще чрезъ полгода и годъ. Трауръ носяпъ ближніе родные цѣлый годъ.

Церкви въ Иркутскѣ украшены иконами въ серебряныхъ, позлащенныхъ ризахъ, и содержатся въ чистотѣ и благолѣпін; многія расписаны; во всѣхъ церквахъ большіе колокола; нѣтъ ни одной, гдѣ - бы не было колокола въ 200 пудовъ, а въ нѣкоторыхъ есть пудовъ въ 400 и болѣе. Церкви обыкновенно раздѣляются на верхнюю и нижнюю: внизу теплая, а верхняя холодная, и всѣ онѣ съ придѣлами. При многихъ церквахъ есть богадѣльни, копорыя содержатся по-даяніемъ доброхотныхъ. Во многихъ домахъ завелено, когда пекутъ хлѣбы и булки, пошлать каж-

дѣй разъ часнѣ въ богадѣльню. Также, къ большимъ праздникамъ, раздають бѣлье и плашье бѣднымъ.

Народъ въ Иркутскѣ вообще склоненъ къ разсказамъ. Вечеромъ, не только въ деревняхъ, но и въ городѣ, когда соберутся нѣсколько человекъ, особливо женщинъ, то разсказываютъ о спаромъ-бываломъ, или сказываютъ сказки; но это болѣе дѣшьямъ, или въ своемъ семействѣ. Сколько слыжала и разсказовъ о домовомъ! Его называютъ шамъ сусѣдко. Бѣда, если онъ кого не влюбитъ! Также въ мепеорахъ проспой народъ видитъ огненныхъ змѣевъ; лѣсныя заводятъ прохожихъ; сусѣдко высѣкаетъ огонь, придетъ, и если домашній скотъ придетъся по дому, то онъ холитъ его, гладитъ и кормитъ. Спарухи часто обращаются къ нему съ просьбою: любитъ коровъ. Если онъ не полюбитъ ихъ, то выгребаетъ кормъ, и потому, когда худя корова, то говорятъ: *«не по дому пришлась, сусѣдко не влюбилъ.»* О змѣѣ огненномъ говорятъ, что онъ носитъ деньги своимъ любимцамъ, но что такое богатство не идетъ въ прокъ и обращается прахомъ. Долго было-бы разсказывать о всѣхъ спаринныхъ причудахъ; но къ чести Иркутскихъ жителей, въ религій у нихъ нѣтъ никакихъ суевѣрій; нѣтъ раскольниковъ между купцами и вообще между народомъ; развѣ есть они между прѣзжими изъ Россіи, но и тѣ стараются скрывать свое невѣжество. Жители строго со-

блюдаютъ всѣ духовные обряды, но безъ малѣйшаго суевѣрія. Въ Сибири нѣтъ такъ называемыхъ кликушъ, и даже тѣ, которыхъ привозятъ изъ Россіи, пораженные, какъ назвать это, причудами или болѣзнію, проживши нѣсколько времени въ Иркутскѣ пересылаютъ кликушъ, безъ всякаго леченія. Между жителями Иркутска нѣтъ, или не было, по крайней мѣрѣ, упонченнаго, свѣтскаго обращенія; но легко разгадаешь причину этого. При всей охотѣ переимать хорошее и учиться всему изящному, тамъ нѣтъ училищъ и училищницъ танцованья, музыки и пѣнія; нѣтъ театровъ, концертовъ; даже нѣтъ ни одного пансіона или училища для дѣвицъ; учащяся, какъ кто можешь; нѣкоторые дома, другіе у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣскольку дѣвицъ учились, болѣе по знакомству Русской грамотѣ и разнымъ рукодѣліямъ. Очень было-бъ пріятно, если-бы Иркутскіе канцаліисы, согласясь между собою, устроили пансіонъ для воспитанія дѣвицъ, тѣмъ болѣе, что вообще многія имѣютъ способности и склонность къ ученію, и старающяся недоспашокъ воспитанія вознаградишь чтеніемъ книгъ. Также у нихъ видѣнь вкусъ въ нарядахъ, гораздо болѣе нежели въ нѣкихъ губерніяхъ, которыхъ ближе къ столицамъ. Много еще можно сказать похвальнаго о тамошнемъ купечествѣ. Напримѣръ, въ господномъ дворѣ никогда не за-

просяпуть съ васъ впрое, не будущь ворочашь съ дороги и говоришь, что для васъ уснупаюпть; никогда не божапся при продажъ и не спараюпся продапъ и подмънипъ гнилой шоварь вмъспо хорошаго. Ондаденность опть споллицъ и недоспапокъ въ воспипзаніи кладупть свою печашь; за то въ нравспвенномъ ошшошеніи много еспъ похвальнаго въ семейспвахъ, и даже болъе привязанности вообще между родными. Сеспры, вышедши за мужъ, часто видаюпся, и рѣдко бываюптъ ссоры между родспвенниками. Госпепрїимство въ Иркутскѣ примърное; благоправіе уважаепся чрезвычайно, и даже въ проспномъ народѣ женщина дурнаго поведенія не найдептъ себѣ мѣста нигдѣ. Пospы и дни пospыые спрого соблюдались въ Сибири. Многіе жиптели даже сами налапали на себя пospы, и пospылись Кирику и Гулипптъ, Іоакиму и Аннѣ, Ильѣ Пророку и Воздвиженію. Наканунъ Рождеспва, по еспъ въ сочельникъ, не ѣли ничего до звъзды, и уже вечеромъ пили чай и ужинали. Дъвушки сберегали опть эшого дни мучинку, копорою засвѣчали огонь для ворожбы; а въ Сибири большія охопницы ворожиптъ, и множесство разсказываюптъ чудесъ, кому что видѣлось. Такъ какъ я хочу описаниъ всѣ мнѣ извѣспныіе обычан и повѣрья, по ошщупу и гаданья. Праздникъ Рождеспва, какъ и вездѣ, начинался духовными обрядами: ходили къ заупрени, къ обѣднѣ;

послѣ обѣди съ поздравленіями къ старшимъ. Дочери послѣ обѣда ѣздили съ мужьями и дѣшьями къ родителѣмъ. На другой день дѣлали визиты старшимъ родственникамъ и принимали у себя гостей. Такъ проходили первые три дни; но Святки продолжаются до Крещенья. Вечера святочные называли *святками*. Въ первые три дни дѣшья всѣхъ званій ходили *славить Христа*. Это было любимый праздникъ для дѣшей, и шѣ изъ нихъ шеголяли, которые больше выучивали *рацеекъ*. Опславивши Христа, они сказывали *рацейки*, и вспарину обращались къ хозяину и хозяйкѣ. Вотъ образчикъ этого: *Встань, хозяинъ, да покатись въ подполье, по пи роги, да по шаньги, по мягкой хлѣбъ, да по деньги въ зель*. Еще было обыкновеніе вѣчь изъ ржаной муки ягнать и овечекъ, иногда и паспуха; все это давали въ гостинцы дѣшьямъ. Вѣрояшно, это очень древній обычай, и, кажется, въ воспоминаіе того, что паспухи первые привѣщивовали рожденіе Спасителя. У дѣвочекъ припали куклы въ чуланъ, или куда нибудь подалше, также оборачивали куклы внизъ лицомъ, говоря, что грѣхъ играшь ими въ святые вечера, что *шмакунъ* упащитъ ихъ. Подъ этимъ разумѣли какихъ-то веселыхъ чертей, которые подкарауливали все, что кладутъ не благосюясь, и все это была ихъ добыча. На другой день начинали ходить съ вертеломъ. Я сама воспомина-

ница Сибири, и участвовала во всѣхъ играхъ и забавахъ Иркутскихъ, шому уже около сорока лѣтъ. Жизнь была даже въ лучшихъ домахъ патриархальная. Вертепъ — ящикъ о двухъ ярусахъ; въ немъ представляли разные сцены, относящіяся къ Рождеству Христову, какъ-то: явленіе Ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ, а въ заключеніе смерть Ирода. Все это представляли куклами деревянными, одѣтыми въ платья, приличныя изображаемымъ лицамъ, хотя, правду сказать, вѣрность костюмовъ была не слишкомъ строго соблюдаема; на примѣръ: дочь Ирода, известная по преданію за славную шанцовщицу, плясала Русскую пляску съ распудреннымъ кавалеромъ и являлась одѣшою по послѣдней модѣ. Но намъ дѣшамъ какое было дѣло до этого? Было весело, и казалось довольно, что все относилось къ духовному. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представляли смерть Ирода, а въ нижнемъ пляска. Тутъ были и свои арлекины: прапезникъ и дьячекъ. Дьячекъ зажигалъ свѣчи, кошорыми освѣщался вертепъ; прапезникъ гасилъ ихъ, и оба просили съ разными прибаутками денегъ. У прапезника былъ за плечами кузовъ, въ который клали деньги, а у дьячка парелка; и все это доставляло дѣшамъ несказанное удовольствіе. Обыкновенно съ вертепомъ ходили мальчики; одинъ изъ нихъ, кошорый былъ всѣхъ распорошѣе, дѣлался дѣ-

рижёромъ. Иногда бывалъ у нихъ скрывать, и они гордились этимъ. Въ Иркутскѣ были двое слѣпыхъ, которые играли на скрипкѣ и утѣшали не одно поколѣнiе. Они-то обыкновенно ходили съ вертепомъ. Эли лица не умерли: вѣкъ помѣспилъ Г. Калашниковъ въ одномъ своемъ романѣ. Вечеромъ, когда бывало смеркнешся и закроюшъ ставнями окна, спучались подъ окномъ, и на вопросъ: кто тамъ? отвѣчали: не угодно-ли съ вертепомъ? Тутъ обыкновенно дѣти прислупали съ просьбами пуслишь вертецъ. Никакая лучшая пiеса, разыгранная на театрѣ, не доставляетъ теперь такого удовольствiя, какое доставлялъ намъ вертецъ. Блаженное время дѣтства!... Еще было вспарину обыкновенiе, котораго я уже не помню: ходили съ конькомъ. Одинъ представлялъ сидящаго на лошади рыцаря, а двое другiе даму и кавалера; ходили по-же вечеромъ по домамъ, и куда входили въ домъ, по пѣли и плясали.

Описавши дѣтскiя на свѣпкахъ увеселенiя, приступаю къ описанiю забавъ юношескихъ лѣтъ. Всѣ игры и гаданья относилса болѣе къ дѣвицамъ; но и молодые мужчины въ нихъ участвовали. Назначивши вечеръ, подружки собирались въ одинъ домъ, поиграшъ и погадашъ. Всегда начинали подблюдными пѣспями; но это дѣлалось особеннымъ образомъ. Собирали кольца, перстни, запонки, сережки; клали ихъ въ блюдо

и накрывали салфеткою; нарезывали маленькіе кусочки хлѣба и клали свѣрхъ салфетки. Сначала пѣли пѣсню хлѣбу и соли и брали кусочки; ложась спать, клали ихъ подъ головы, загадывая, что приенился. Помомъ пѣли пѣсни; по окончаніи каждой изъ нихъ, прясали блюдо, и одинъ ловилъ, что попадалось, по одной вещицѣ. Обыкновенно болѣе старались класпъ такія вещи, гдѣ въ оправѣ камня; иногда загадывали за что или какъ вынешся? за камешекъ или за колечко? Всѣ вещи клали вмѣстѣ, и послѣ присуждали, что дѣлать за выкупъ? Последнему, когда оставалась одна вещьца, пѣли свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо капили по полу, загадывая, въ которую сторону покапишся оно: если дѣвущкѣ покапишся къ дверямъ — къ замужеству, мужчинѣ — къ дорогѣ. Послѣ пѣсень хоронили золото. Эта игра всѣмъ извѣстна и, кажется, одна изъ самыхъ старинныхъ. Помомъ играли именами, въ *Короли*, въ *курилку*, и въ *жмурки*, которыя въ Иркутскѣ называютъ *имъльцы*. Я опишу всѣ эти игры по порядку.

Игра въ имена. Всѣ сажались. Одного по жеребью сажали на спуль посреди комнапы, другой давалъ имена всѣмъ, какія вздумается, смотря по особѣ; на примѣръ, мужчинѣ имена: соколъ, соловей, коршунъ, черпачолохъ, василекъ, макъ; дѣвицѣ: ласпочка, малиновка, гвоздика. Имена сказывали каждому по шихоньку, чпобъ не слы-

халъ попъ, кто сидитъ на спулѣ. Тутъ ему закрывали глаза плашкою и кликали одного по имени. Онъ долженъ былъ подойти, легонько ударить сидящаго на спулѣ и тотчасъ състѣ на свое мѣсто. Прочіе всѣ въ это время топтали ногами, приговаривая: *былъ, да ушелъ, спрятался, запечатался*. Тогда открывали глаза сидящему на спулѣ, и онъ долженъ былъ угадать, кто его ударилъ; если угадывалъ, то ударившій сбивалъ его, а попъ, который сидѣлъ на спулѣ, давалъ имена; въ противномъ случаѣ перемѣняли имя только тому, кто былъ вызванъ.

Игра въ Короли. Начиналась такъ: всѣ, участвующіе въ игрѣ, клали правую руку на сполъ, одинъ за другимъ; чья рука была внизу, попъ вынималъ ее, а за нимъ и другіе; девятый былъ Король. Тогда каждый подходитъ къ нему и говоритъ: *Король, я твоя (или твой) слуга, что прикажешь дѣлать?* Службы были разныя и смѣшныя; напримѣръ, какойнибудь хорошенькой дѣвушкѣ Король приказывалъ спать въ уголь, и при рза громко сказать: *я хороша, я пригожа, за мужа иду за такого-то*, и обыкновенно выбирали какогонибудь безобразнаго спарика; на одговорки не смотрѣли, такъ что иногда дѣвушкѣ было не до смѣха; но должно было выполнятъ королевскую волю. Иному приказывалъ Король спѣть пѣсню, другому поплясать, иному пропеть цѣпухомъ, скакать на одной ногѣ, про-

давать калачи, возить сѣно. Еще была служба спать въ уголь и говорить: Горю, горю на камешкѣ; кто меня любитъ, тотъ поцѣлуетъ. Тогда кто нибудь подбѣгалъ, цѣловалъ и горѣлъ въ свою очередь. Я могла-бы наскучить, описывая разныя службы.

Иногда играли въ курилку. Садлись все въ кружокъ, зажигали лучинку, и потушивши, передавали ее одинъ другому, приговаривая: Жилъ, былъ курилка, ножки тоненьки, душа коротеньки; не умри, курилка, не оставь печали, не заставь плясати. Всякій старался скорѣе сбить съ рукъ курилку, приговаривая: живѣ. У кого погасла лучинка, съ того брали фантъ.

Игры обыкновенно заключались жмурками. Эта игра извѣстна всемъ. По жеребью завязывали кому нибудь глаза плашкомъ и спрога испытывали, не видятъ-ли онъ. Попомъ приводили его къ дверямъ и спрашивали: Гдѣ стоишь? Завязанный отвѣчалъ: У дверей. — Что продаешь?—Квасъ, да ягоды. — Ищи насъ двадцать два года. Тупъ все разсыпался, какъ дождь. Всякій старался ударить жгутомъ бѣдняжку, но и пошъ хитрилъ; иногда останавливался по срединѣ комнаты, прислушивался, гдѣ его неприятели и бросался врасплохъ. Законами игры не позволено было уходить въ другую комнату; кто покушался на это, тому все кричали: погорѣлъ, погорѣлъ! и завязывали глаза.

Найтравшись, нѣкоторые разѣзжались по домамъ, а многія дѣвицы оснавались ночевать у подругъ. Тогда-по, подѣ предводитпельспвомъ опытныхъ, приспупали къ шайнамъ—угадывать будущее. Гадали о суженомъ, о томъ, весело-ли проживутъ слѣдующій годъ; лили олово, воскъ, и по вылишнымъ фигурамъ разгадывали свою участь. Около полуночи выходили во дворъ *полоть снѣгъ*. Взявши немного снѣгу въ фаршукъ, качали его, приговаривая: *полю, полю бѣль снѣгъ; гдѣ собака залаятъ, тамъ мой суженой*, и прислушивались. Гдѣ залаяла собака, тамъ быть опданной за мужъ. Толстый и хриплый лай означалъ спарика, звонкій и тонкій молодца. Иногда дѣлали упочекъ изъ воску и опускали ихъ на тарелку съ водою; если упочки плавали *выспѣ*, то это означало согласіе, а *врознь* — недружбу; наливали въ блюдо воды, и зажегши небольшой клочекъ хлопковъ, клали его въ спаканъ, который поспчасъ опрокидывали на блюдо. Если много набиралось воды въ спаканъ, то это означало, что мужъ будетъ любить выпить, а если мало, то онъ будетъ человекъ презвѣй. Еще ворожили такимъ образомъ: бросали башмакъ за воропа; куда упадетъ онъ, туда быть опданной за мужъ. Или выходили за воропа и спрашивали у перваго прохожаго: какъ зовутъ? И какое скажетъ онъ имя, такъ будутъ звать

жениха. Многія слушали подь окнами и по рѣчамъ судили, чему бытъ; выпускали на средину комнапы курицу съ пѣпухомъ и замѣчали, сердитѣ-ли будетъ мужъ? Если пѣпухъ гордо расхаживалъ, клевалъ курицу, то значить, что сердитый мужъ будетъ; но иногда и курица храбрилась. Иногда двѣ дѣвицы брали цѣлый ржаной хлѣбъ на пальцы и загадывали, въ которую сторону будетъ вертѣться? Если по солнцу, то сбудется загаданое, а прошивъ солнца, то нѣтъ. Точно также ворожили сипомъ; но всѣ эти гаданья были мѣлочныя. Такъ ворожили дѣвушки разнаго возраста: большія и маленькія. Главныя, важныя гаданья были: сморкнѣ въ зеркало въ полночь, когда всѣ лягутъ спать, или набирали два прибора на Васильевъ вечеръ, или на Крещенье, и въ сочельникъ ходили слушать къ версѣ, къ анбару, къ проруби, на перекрестокъ, и все это въ полночь. Я сама нарочно испытывала многое; но мнѣ никогда и ничего не чудилось; напрошивъ оцѣ другихъ я слыхала чудеса, и онѣ божились, что это точно было. Глядѣнье ночью въ зеркало дѣлалось такъ: дѣвица, которая хотѣла гадать и надѣялась на свою бодрость, садилась одна, а если немножко шрусилла, то, неизмѣнная своей природѣ Еввина виучка, которой хочется знать, хорошѣ-ли, молодѣ-ли будетъ суженой, сажала няню или какую нибудь Сивиллу

въ смежной комнаѣ, и спавила два зеркала одно прошивъ другаго. Передъ однимъ она сядилась сама и спавила на споль двѣ свѣчи, а другое зеркало спавила сзади, очерпивъ лучинкой (которою былъ зажженъ огонь въ сочельникѣ) и глядѣла въ него приспально. Сначала зеркало подергивалось шуманомъ; пошомъ мало по малу прояснялось, и суженый глядѣлъ черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться: *« чуръ меня, помю! »* и отнюдь не оглядываться, а то могло быть худо. Конечно все это одно воображеніе, но многимъ спомло жизни ~~или~~ пляжкой болѣзни. Вопшь что рассказывала мнѣ одна очень умная и безъ всякихъ предразсудковъ дѣвушка. Вздумала она смолрѣшь въ зеркало ночью. Домъ, гдѣ жила она, былъ большой, каменный въ два этажа. Взявши съ собой дѣвушку, она велѣла ей лечь спать въ ближней комнаѣ, а сама сѣла передъ зеркаломъ. Была полночь. Она сидишь, какъ Свѣплана, ждетъ появленія суженаго; всѣ въ домъ спяшь и вороша заершь; внизу у дверей былъ колокольчикъ. Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ, и она слышишь, что кто-то идетъ тяжельми спопами по лѣстницѣ; спукъ шаговъ приближася; но она, дрожа отъ ужаса, не расудила дожидаться суженаго, который, вмѣсто того чтобъ показаться въ зеркаль, вздумалъ самъ пожаловать и лицемъ къ лицу бесѣдовать съ нею; она бросилась въ комнату, гдѣ спала ея

подруга, зачуралась, но была послѣ этого больна. Домашніе утверждали, что все спали въ полночь и никто ничего не слыхалъ. Поэтому рѣдко кто рѣшается на эту ворожбу, хотя она, какъ говорятъ, самая вѣрная. Также рѣдко зовутъ ужинавъ своего суженаго. Для этого ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка садится за столъ, очерчивается и говоритъ: *Суженый, ряженый, приходи ко мнѣ ужинать*; лишь только пробьешь полночь, являешься женихъ въ помѣ нарядѣ, въ какомъ будешь на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣпуха, для того, что когда не поможетъ зачуранье и гость засидится, то надобно даунуть хорошенько пѣпуха; онъ запоетъ и все исчезнетъ. А вошь ходитъ на прорубь, такъ страхъ и ужасъ! Однажды три дѣвушки сговорились идти гадать на прорубь, взяли бычью кожу, очертились и съли, какъ надобно. Вдругъ слышатъ, кожу кто-то швытѣ въ воду, больше и больше; онъ: *чуръ того! полно! Напрасно!* Онъ бѣжалъ домой, но за ними также бѣгутъ и кричатъ: *копыльа, постой! обвариха, постой! барыня, постой!* Онъ, творя молитву, насилу добѣжали, да скорый и ворота на запорѣ. Но что-же вышло? Одна изъ нихъ обварилась кипяткомъ и умерла, другая упала и зашиблась объ копыльа саней, а третья вышла за мужъ за дворянина,

и все это въ одинъ годъ. Да мнѣ не уписаць-бы на нѣсколькихъ листахъ чудесъ, которыя я слыжала. Какъ начнутъ, бывало, опытные люди разсказывать про старину, то у насъ волосы на головѣ дыбомъ спановлялся; но поворожишь хочешя, и прусики выбираютъ, что не такъ спрашно: пойдутъ къ веревѣ, очеркнутся, и не одна, а двѣ, при дѣвушки, только загадываютъ поодиначкѣ богато-ли жить и выйдутъ-ли въ этотъ годъ за мужъ. Если которой выйдти, то ей запоютъ пѣсни свадебныя, а къ богатству начнутъ деньги считатьъ, а кому участь не такъ весела, то плачутъ; но шутъ спидитъ только зачураться, и все кончено. Еще ходятъ на перекрестокъ, на улицу, сядутъ, накроются скаперной; одна загадаетъ и кому выйдти въ этотъ годъ за мужъ, то и поѣдетъ съ которой нибудь стороны поѣздъ: и свистнутъ и гаркаютъ. Но съ окончаніемъ святокъ конецъ всемъ ворожбамъ; старые люди постыятся, да Богу молятся, а молодые свое смѣкаютъ. Наканунѣ сочельника спускаютъ гребень за окошко, и какіе волосы на гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго; обсываются золой и по упру смонрятъ, какая обувь у жениха; наливаютъ въ ложки воду и высыпываютъ ее на морозъ. Такъ ворожатъ и старухи: если бугорокъ, то еще проживутъ годъ, а ямка значитъ смерть. Въ самый сочельникъ, добрые люди пойдутъ на воду, а грѣхо-

водницы-дѣвушки напекутъ сочней, то есть тонкихъ лепешекъ изъ прѣснаго пѣсна, выйдутъ за ворота и смопрятъ, кпо первый идетъ или ѣдетъ, и знаютъ уже, что такого званія будетъ женихъ. Вечеромъ въ Крещенскій сочельникъ всздѣ окропляютъ святой водой, ставятъ кресты мѣломъ на окнахъ и дверяхъ, и пѣтъ все оканчивается.

Таковы святочные забавы дѣвушекъ въ Сибири. Все это принесено изъ Россіи; заѣзжіе Русскіе жители сохранили свои обычаи, повѣрья, обряды, и они поддерживались въ саомышней простотѣ, такъ что многихъ коренныхъ Русскихъ обычаевъ не лзя встрѣтить нигдѣ, кромѣ Сибири и особенно Иркутска. Теперь и тамъ стыдятся старины, и тамъ все быстро измѣняется. Я не хочу хвалить старыхъ обычаевъ и суевѣрій, но, кажется, всѣ они доказываютъ простому нравовъ. Желаю опъ чистаго сердца, чтобъ всѣ эти пуспаки замѣнились истиннымъ просвѣщеніемъ, а не моднымъ обезьянствомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ добру. Когда жили въ простотѣ сердца и сообразно своему климату, то не знали многихъ болѣзней. Нынѣ (конечно не всѣ) стыдятся занятой хозяйствомъ, боясь прослыть кухарками и простомодниками; но въ Швейцаріи, Голландіи женщины просвѣщеніе чѣтъ въ другихъ мѣстахъ, и

между нѣмъ свято выполняютъ все домашнія обязанности. Слова мои болѣе относятся къ непросвѣщенному классу; въ высшемъ, просвѣщенномъ кругу, у насъ многія матеря сами воспитываютъ дѣтей и распоряжаются домашнимъ устройствомъ. Дай Богъ, чтобъ это было примѣромъ для всехъ другихъ. Но я отспушила отъ своей материн.

Послѣ Святокъ игры утихаютъ, начинаются свадьбы; послѣ этого дожидаются Масляницы; тогда свои сѣверныя забавы: кашанья по улицамъ, кашальныя горы. Бѣгъ успроивается въ Иркутскѣ сначала зимы на успѣ Ушаковки, а послѣ на Ангарѣ. Онъ блестящъ, какъ зеркало, и бывашъ обсаженъ елками. Тупъ по Воскресеньямъ и въ праздники, а особливо на Масляницѣ выѣзжаютъ охопники въ маленькихъ санкахъ, на рысакахъ и иноходцахъ. Горы бывають часто въ двухъ мѣстахъ: на Ангарѣ и на Ушаковкѣ. Съ Четверга начинаются гулянья. Къ Масляницѣ варятъ пиво и дѣлають *хворосты*; столы накрыты скапертиями и уставлены конфетами, вареньями. Хворосты (родъ пирожкаго), какъ принадлежность масляницы, видны вездѣ; самоваръ всегда готовъ. Родные ѣздятъ другъ къ другу, и между нѣмъ не забываютъ кашанья. Во многихъ домахъ дѣлають ледяныя кашальныя горы, съ которыхъ кашаюся на

кожахъ, на лубкахъ, на санкахъ и даже на льдинахъ. Вошь что еще иногда бывало на Масляницѣ, для забавы народа: начальники города приказывали сплести въспѣть нѣсколько огромныхъ саней и усстроивали на нихъ корабль со снастями, парусами. Тутъ садились и люди, и медвѣдь, и *Госпожа Масляница*, и разные паяцы; все это вообще называли *Масляницею*. Въ нее впрягали лошадей двадцать и возили ее по улицамъ; позади обыкновенно слѣдовали щомы мальчишекъ и гулякъ; они провожали ее пѣснями и разными прибаутками. Къ чести Иркутскихъ жителей издобоно сказать, что они очень набожны; не только пожилые люди, но и молодые всю Масляницу ходятъ въ церковь. Въ прощальный день ѣздятъ на кладбище, служатъ панихиды и поклоняются праху родныхъ; потомъ весь этотъ день посвящаютъ прощальнымъ визитамъ, къ родителямъ и старшимъ родственникамъ. Вечеромъ тотъ-же обрядъ повторяется дома; служители прощаются съ хозяевами, дыши съ родителями. Прежде былъ въ Иркутскѣ обычай (въ некоторыхъ мѣстахъ Россіи онъ существуетъ и донинѣ) приносить пряники въ прощальный вечеръ. На другой день начинается постъ первый. Понедѣльникъ называютъ *чистымъ*, потому что въ этотъ день перемываютъ всю посуду, ходятъ сами въ баню, и многіе начинаютъ говѣть. Хозяйки въ

Иркутскѣ, по крайней мѣрѣ были прежде, пре-
суетливыя созданья: на первыхъ дняхъ поста
пекутъ обварные крендели, съдобные калачи и
пряники разныхъ сортовъ. Многіе, особенно лю-
ди пожилые, не ѣдятъ даже рыбы во весь
постъ; прочіе соблюдаютъ это только въ пер-
вую, четвертую и самую последнюю недѣлю. Кому
есть время, тѣ ходятъ въ церковь; но во всѣхъ
домахъ кипитъ дѣятельность: богатые шьютъ
для своего семейства обновки, а бѣдные трудят-
ся для богатыхъ; это вездѣ ведется, но въ
Иркутскѣ замѣтнѣе, потому что тамъ нѣтъ
магазиновъ и даже не много швей или масте-
рицъ, а болѣе сами готовятъ свои наряды и да-
же шьютъ бѣлье; отдають шить только то,
чего сами не могутъ сдѣлать. Хотя Пасха слу-
чается и въ Маргѣ, но почти всегда въ это
время сходитъ снѣгъ и бываетъ сухо. Къ свя-
той недѣлѣ дѣлають во многихъ домахъ качели,
и гдѣ большое семейство и дѣвушки, то есть
еще увеселеніе, котораго прелести я не пони-
маю. Покупають длинную и широкую доску, глад-
ко выпроганную, подмазываютъ ее по среди-
нѣ четверти на три, и одинъ садится на сре-
дину: это называютъ сидѣть на кашкѣ; двое
становятся по концамъ, подпрыгиваютъ пооче-
редно и дѣлають разныя фигуры. Тотъ по-
чищается искуснымъ, кто выше прыгаетъ; но
это довольно опасно: многіе падаютъ и уши-

баются. Въ Великій Четвертокъ стараются
встать до солнца и умыться свѣжею водою съ
серебра, чпобъ быть здоровыми цѣлый годъ.
Есть преданіе, что въ этотъ день воронъ до
свѣта купаетъ своихъ дѣшей; но это не обык-
новенный воронъ или вороньё, а вѣщій воронъ, и
живетъ онъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Гово-
рятъ, что у него въ гнѣздѣ и золото, и сере-
бро, и дорогіе каменья. Еще есть въ Сибири,
шакъ-же какъ и въ другихъ мѣстахъ, обычай, за-
вязавши въ узелъ соли на Четвергъ, класпъ ее
въ печь: это называется *четсерговою* солью. Ее
сохраняютъ, какъ лекарство отъ дурнаго глаза,
и поипъ ею коровъ и шелятъ, когда они боль-
ны. Къ празднику Воскресенія Христова приго-
товляются, богатый какъ хочетъ, а бѣдный
какъ сможетъ; но во всякомъ домѣ пекутъ ку-
личи, красятъ яйца, дѣлаютъ сыры. Изъ доста-
точныхъ домовъ посылаютъ разной провизіи въ
острогъ, въ богадѣльни. Святую неделю, шакъ-
же, какъ и другіе шоржественные дни, прово-
дятъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Изъ всѣхъ
увеселеній, извѣстныхъ въ сшодлицахъ, на Свя-
той недѣлѣ только качели ставятъ на площа-
ди. Тутъ бываютъ качели круглыя, большія, съ
сидѣлками, и коньки; народъ качается, ѣздитъ,
другіе шопрятъ; но шѣмъ и кончится празд-
никъ. Въ Иркутскѣ ишь шеанра, и за онда-
ленностію не прѣзжаютъ никогда волшшжеры,

балансёры и разные искусники съ диковинками. Имена Финарди, Раппо, Кіарини извѣстны только изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали тамъ истинныхъ артистовъ. Во всѣ двадцать пять лѣтъ, которыя прожила я въ Иркутскѣ, пріѣзжала туда только шруппа Цпальянцевъ съ учеными собаками. Правда, это сберегаетъ карманы, но многіе вздыхаютъ объ увеселеніяхъ столицы. Во Вторникъ на Фоминой недѣль бываетъ поминовение по усопшихъ, и весь народъ гуляетъ тогда на кладбищѣ. Въ день Преполовенія, по окончаніи службы, ходятъ изъ собора съ иконами кругомъ города; спеченіе народа бываетъ большое. Также въ Маѣ мѣсяцѣ носятъ образъ Казанской Божіей Матери, со крестами и хоругвями изъ собора въ разные села: Куду, Оёкъ, Урикъ, иногда даже въ упраздненный городъ Балаганскъ. Въ день Вознесенія многіе ходятъ и ѣздятъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ, по отслушаніи литургіи, цѣлый день гуляютъ. Когда Пасха была поздняя, то въ этотъ день уже есть цвѣты, и весело смотрѣшь, какъ около вечера безпрестанно переѣзжаютъ чрезъ Ангару карбазы, наполненные народомъ, и у всякаго въ рукахъ профей весны—букелы цвѣтовъ. Въ день Троицы и Духовъ день тоже многіе ѣздятъ и ходятъ гулять за городъ. Мало завиваютъ березку, и даже между проспымъ народомъ этого обычая нѣтъ. Всѣ жилиши Иркутска

ска, отъ богатого до бѣднаго, любящъ гулять за городомъ. Любимое гулянье простаго народа около Ушаковки, потому что это мѣсто всѣхъ ближе къ городу. Если у кого нѣтъ лошади, то все семейство, иногда и не одно, собираются въ Воскресенье или какой праздникъ гулять на Ушаковку, пить чай и купаться. Всю ношу раздѣляютъ по часямъ: одинъ несетъ самоваръ, другой чашки, третій булки, калачи, пироги, ведутъ и несутъ дѣшей, потому что почти всѣ выбираютъ изъ дома, который запираютъ, попросивши сосѣдей посмопирать, или ославляютъ какую нибудь снаруху, говоря по-Сибирски: *домовничать*. Прежде на Ушаковку бѣдныя гулять многія хорошія фамиліи; но когда городъ распространился, то это сдѣлалось народнымъ гуляньемъ. Многіе бѣдятъ труда-же, но подалее, купаться, потому что вода въ Ушаковкѣ довольно тепла и, говорятъ, здорова. На одномъ берегу Ушаковки, по дорогѣ къ деревнѣ Пивоварихѣ, были прежде дома кое-гдѣ, но теперь, говорятъ, многіе тамъ поселились. Верстахъ въ трехъ отъ города, по той-же дорогѣ, есть архіерейскій загородный домъ и при немъ большой огородъ, съ разными овощами для семейства. На другомъ берегу построено Адмиралтейство съ разными принадлежащими къ нему строениями; ближе къ городу мельница мукомольная и при ней мельница пшляная. Де-

ревни Большая и Малая Разводныя находящяся на берегу Ангары: первая въ девяти, а вторая въ семи верстахъ отъ города; далѣе по поному же берегу деревни Щукина и Крыжановщина. Около этихъ мѣстъ, начиная отъ Большой Разводной, есть много острововъ, покрытыхъ лѣсомъ и кустарникомъ; тутъ родится множество голубицы, и потому лѣтомъ многіе изъ городскихъ жителей ходятъ туда за ягодами. Собираются обыкновенно *артелями*, съ тѣмъ, чтобы ночевать одну или двѣ ночи, называя это: *идти на ночеву за ягодами или за грибами*. Назадъ приплываютъ на лодкахъ съ большимъ запасомъ ягодъ. Мѣста, гдѣ были прежде винокуренные заводы, называютъ въ Иркутскѣ *Каштакъ*; ихъ три: ближній, средний и дальній. Я опишу послѣдній. Туда ѣздить иногда гуляшъ; но въ концѣ Июля и въ Августѣ больше ѣздитъ, даже изъ богатыхъ домовъ, за грибами и особенно за рыжиками. Впрочемъ, это только предлогъ для гулянья. Да и въ самомъ дѣлѣ, мѣсто прелестное! Ключъ бьется изъ горы и вода въ немъ превосходная; внизу долина, по которой ключъ образуетъ ручей; кругомъ холмы, покрытые лѣсомъ. Вообще окрестности Иркутска прелестны, какъ сельская красавица; одна природа все украшаетъ, но какова эта природа! Мѣстами дремучіе лѣса, гдѣ въкошья деревья свалились отъ бури или грома, и лежавши

испльзли такъ, что прикоснись, и она разсыпается прахомъ. Въ глубокихъ оврагахъ ключъ не рѣдко образуетъ ручей, опушенный зеленымъ мохомъ. Въпть узкая тропинка: она ведетъ васъ въ густой лѣсъ, гдѣ корни деревьевъ высунулись изъ земли и, кажется, свидѣтельствуютъ о своей древности. При малѣйшемъ вѣтеркѣ въ лѣсу отдается какой-то гулъ; кажется, что это древніе священныя лѣса, жилища Друидовъ. При всемъ моемъ неискusstвѣ описывать, я не могу воздержаться, чтобъ не описалъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ окрестностей Иркутска.

Ситниковская заимка. Заимками называютъ въ Иркутскѣ дачи. Она была построена купцомъ Ситниковымъ, послѣ смерти котораго жена его пожертвовала ее въ казну. Эта заимка верстахъ въ двадцати отъ города. Тутъ пещеръ и селеніе дворовъ изъ десяти. Оно на горѣ, при подошвѣ которой построены домъ, со всеми принадлежностями; передъ нимъ большой прудъ, гдѣ выстроена мельница; кругомъ рисуются горы, покрытыя лѣсомъ и кустарниками. Тутъ много голубицы, дикаго розмарину и багульника.

Волчья падь, верстахъ въ 20 отъ Иркутска. Туда ѣздить за грузями, которыхъ въ шныя годы родится тамъ множество; также много голубицы. Волчья падь—узкая долина, и къ концу сходящая кляномъ. Кругомъ ея горы, а въ долину бѣжитъ

узкая, но глубокая рѣчка, обросшая шпрощникомъ, и спрушился много прекрасныхъ ключей. Прежде были шунгъ два зимовья, въ кошорыхъ жилъ угольщикъ, старикъ Ельшинъ. Послыся слухъ, что мѣсто это не совсѣмъ чисто. Лѣсной или лѣшій (его называютъ въ Иркутскѣ лѣшахъ) любилъ шунгъ иногда подшучивать. Знакомые приходили къ угольщику ночевать и брать ягоды. Однажды набралось къ нему довольно дѣвицъ и молодицъ. Вечеромъ онъ расшунпились во дворъ, начали пѣть пѣсни, хлопать въ ладоши. Старикъ сердится, унимаетъ ихъ, говоритъ: «Полноше, не накличете себѣ бѣды!» И вопъ онъ слышатъ хохотъ, хлопанье въ ладоши, и все это ближе, ближе «Вопъ, не говорилъ-ли я вамъ? раздразиши хозяйна!» Вся молодежь шворитъ молитвы, убирается въ зимовье, и вопъ, мало по малу, шумъ утихаетъ и удаляется. Но все это можно объяснить самымъ простымъ образомъ: есть такія мѣста, гдѣ всякій звукъ повдоряется много разъ.

Пивовариха, деревня въ 9 верстахъ отъ Иркутска. Она лежитъ въ такомъ мѣстѣ, что кругомъ вѣтъ близко селеній; отовсюду непроходимые лѣса; мѣстами есть болота, но есть и долины съ свѣтлыми источниками. Никогда не забуду я одного прелестнаго мѣстоположенія: долина вершины на двѣ, и кругомъ шочна

искусная рука обсадила ее купами деревь-
евъ. Все это проспранство покрыто голуби-
цею. Жители Пивоварихи мало съюсть хлѣба;
они жгуть уголья и занимающа ловаю дичи-
ны и зайцевъ, спрѣляютъ бѣлокъ и дикихъ
козъ; женщины прядутъ мотуузъ.

Въ Сибири всѣ деревни обнесены огорожей,
которую называютъ *поскотинной*; нигдѣ нѣтъ
соломенныхъ кровель и земляныхъ половъ; лѣсу
такое множество, что считаютъ нужнымъ
вырубать его. Верстъ за 15 отъ города па-
кой лѣсъ, что годится на строеніе; его позво-
лено рубить всякому. Видъ изъ города черезъ
Ангару, по берегу Иркутска, очень красивъ; путь
видны, при подошвѣ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, де-
ревни Медвѣдева, Глазкова, Кузьмиха, Жилкина.
Въ Жилкиной есть арміерскій домъ, гдѣ лѣ-
помъ и живетъ Иркутскій Епископъ. Противъ
города, за горою, рѣчка *Кал*; мѣстоположеніе
прекрасное, особливо весной, когда цвѣтеть че-
ремуха, которой путь множество.

Осень во всей Сибири есть время проспонарод-
ныхъ вечеринокъ, которые тамъ называютъ *всчор-
ками*. Поводомъ къ нимъ служитъ рубленіе капу-
сты, что и называютъ *капусткой*. Когда ка-
пуста срублена, привезена и посуда для нея
готова, то назначаютъ день рубить капусту.
Съ вечера ходили къ сосѣдямъ просить съчекъ и

къ знакомымъ звать на капустку. По утру обыкновенно собирались старухи обсыкать капусту; она дѣлилась на разные сорты: бѣлую, сѣрую (которую намъ квасятъ, пересыпая ржаной мукой, и называютъ кислы), пластинную (которую готовятъ для поспы и дней поспныхъ, оставляя также кочаны на сѣжую) и шинкованную. Клю приходилъ на капустку, пѣхъ называли капустницами. Приходя, все поздравляли хозяйку съ капусткой, какъ съ праздникомъ, и, въ самомъ дѣлѣ, онъ къ этому дни варили пиво (которое въ Сибири вообще очень хорошо). Обѣдъ бывалъ хорошій; но лучшее кушанье готовилось къ вечеру, и было привилегированнымъ блюдомъ дня: это *пирогъ хлебальный*, начиненный капустой съ рублеными яйцами. Послѣ обѣда собирались молодыя женщины и дѣвицы; мужчины приходили къ вечеру. Рубленіе сопровождалось пѣснями, а вечеромъ, когда все кончено, угощали чаемъ госпей; старухъ и наспомщихъ работниковъ кормили ужиномъ, потому что въ самомъ дѣлѣ для молодыхъ это была только предлогъ поплясать. И что за работницы нарядныя молодки, въ шелковыхъ перчаткахъ? Для дѣтей это бывалъ также праздникъ: имъ давали маленькія стѣчки, и, главное, они могли ѣсть, сколько угодно, кочарыжекъ. Послѣ чаю, дѣвицы, молодыя женщины и мужчины начинали пляску; но это были не кад-

рили и мазурки, а національная наша Русская пляска. Очень часто плясали подъ пѣсни, играли кругами, * оленемъ, болрами, макомъ, стьяли просо. Все это оканчивалось ужиномъ. Иногда послѣ ужина еще плясали; но вопъ было счастье, если могли доспать скрипку! Скрипачи обыкновенно бывали самоучки; я слыжала эшихъ самоучекъ; они играли съ голосу разныя пѣсни, и очень порядочно, вѣрно. Тогда можно было плясать даже осмерку, панецъ, родъ горленки или горлицы; плясали его въ чепыре и восемь паръ.

По неимѣнію въ Иркутскѣ и во всей Сибири фруктовъ, домашнія заготовленія на зиму ограничивались огородными овощами, ягодами и разныхъ родовъ грибами, какъ-то рыжиками и груздями. Кроме того что собирали грузди, рыжики и всякіе грибы въ близкихъ отъ города мѣстахъ, изъ многихъ домовъ отправляли служилыхъ довольно далеко, въ лодкахъ и на лошадяхъ. Самыя извѣстныя мѣста, куда ѣздили за грибами и ягодами: Усть-Балей, Усть-Кипой, Шведово зимовье, и Ошунъ, гдѣ была прежде мельница. Если былъ урожайный годъ, то возвращались съ грузами земныхъ произведеній. Изъ ягодъ заготавливали бру-

* Старинныя Русскія пѣсни помещены въ концѣ книги, раннимъ образомъ круговыя и разныя игры. Предоставляю ученымъ изысканіямъ, когда и кѣмъ онѣ занесены въ Сибирь и къ какому времени относятся.

снику и голубицу; ихъ просто сохраняли до заморозовъ въ погребахъ, а послѣ замораживали. За брусничкой отпраплялись къ Байкалу и на Гари: такъ называютъ хребенгъ горъ около Байкала, гдѣ проложена дорога кругомъ этого моря. Гарями называютъ ихъ потому, что по причинѣ бывающихъ часто паловъ, то есть лѣсныхъ пожаровъ, тамъ цѣлые лѣса обгараютъ; это случается въ Сибири каждую весну: иногда отъ неосторожности проѣзжихъ, копорые, готовя себѣ пищу, оставляютъ огонь не погашеннымъ, иногда отъ того, что выжигаютъ траву подъ пашню безъ надлежащихъ предосторожностей. Цѣлые лѣса горятъ такъ, что воздухъ наполняется дымнымъ запахомъ; огонь перебѣгаетъ, какъ летучіе огненные звыи, и клубится въ разныхъ видахъ. Вечеромъ это представляеть великолѣпное зрѣлище. Гари остаются совершенно необитаемыми. Хотя въ Швейцаріи и Савойи почти такіа-же мѣста, но тамъ все это обработано; у насъ, напротивъ, еще такъ мало населена Сибирь, эта прелестная, плодородная страна, что много есть очаровательныхъ и удобныхъ мѣстъ не заселенныхъ. На гаряхъ множество чистыхъ источниковъ клубящихъ свои воды; они въ этихъ необитаемыхъ мѣстахъ обросли кустарниками черной и красной смородины. Тамъ еще много водятся медвѣдей и другихъ звѣрей; но жители

Иркуиска вздять шуда обыкновенно дней на десять за брусничкой, и вывозять ея каждою аршелью по 40 и больше ведеръ.

—

Въ Иркутскѣ нѣтъ шакъ называемыхъ кондешеровъ, которые, избавляя хозяевъ отъ всѣхъ заботъ, договариваются за прислугу, дають на прокатъ споловое бѣлье, серебро, хрусталь и все, нужное для пира. Въ Иркутскѣ у кого нѣтъ всего нужнаго для угощенія, серебра и разной посуды, тѣ просятъ ихъ у знакомыхъ; и надобно сказать, что всѣ охотно ссужають другъ друга. Но всякій, кто можетъ, стараешся имѣть свое. Спобы гоповяють болѣе женщины, которые извѣсны своимъ поваренымъ искусствомъ, и тѣмъ только живутъ, что на свадьбахъ, поминкахъ, именинахъ гоповяють спобы. Поваровъ зовутъ рѣдко, и то болѣе когда приглашають на обѣдъ чиновниковъ. Оффицаншовъ есть нѣсколько человекъ изъ вольноопущенныхъ, которые вездѣ прислуживають и тѣмъ живутъ. Музыку обыкновенно нанимають полковую. За 15 лѣтъ вольныхъ музыканшовъ не было порядочныхъ.

—

ПОЪЗДКА ВЪ КЯХТУ.

Въ 1804 году, по торговымъ обстоятельствомъ мужу моему нужно было ѣхать въ Кяхту; но какъ онъ располагалъ прожить тамъ болѣе года, то и рѣшено было ѣхать намъ вмѣстѣ. Не смотря на разлуку съ родными, я очень радовалась этому небольшому путешествію. Въ Сибири обыкновенно ѣздили на почтовыхъ лошадяхъ, или нанимающъ перемѣнныхъ (вольныхъ); но мы, не зная почему, поѣхали на долгихъ. Сначала наняли лошадей до Лисивяничнаго. Изъ Иркутска выѣхали мы 19-го Сентября вечеромъ и ночевали въ деревнѣ, верстѣ за 25 отъ города. Рано по утру мы опять пустились въ путь, и чрезъ нѣсколько часовъ открылась

передъ нами великолѣпная карпина взморья (такъ называется мѣсто, гдѣ Ангара вытекаетъ изъ Байкала). Тутъ находится пристань купеческихъ судовъ и деревянная церковь во имя Николая Чудотворца *. Мы не остановились тутъ потому, что намѣрены были переправляться чрезъ Байкаль на казенномъ гальѣтѣ; но прѣѣхавши къ Лисивяничному, гдѣ по-же находится нѣсколько домовъ и почтовая станція, прожили недѣлю за безвѣпріемъ. Хотя была осень и совершенное уединеніе отъ общества, но я не скучала и не могла насмотрѣться на прекрасное мѣстоположеніе. Съ одной стороны обширное пространство воды, съ другой высокія горы, покрытыя лисивяницами; противоположный берегъ не всегда видѣнъ, но въ ясную погоду Забайкальскія горы бѣлѣются, какъ облака.

Повозки наши были перевезены на гальѣтѣ; но мы возвращались сюда только къ ночи, и цѣлый день проводили на берегу. Я ходила по горамъ, окружающимъ Байкаль, и по лѣсамъ, гдѣ не встрѣпишься съ людьми, ибо селеній близко нѣтъ, а проѣзжихъ лѣпомъ и осенью мало, потому что многіе садятся на суда у Никольской пристани. Дней черезъ пять по прѣѣздѣ мы вы-

* Говорятъ, что теперь купечество, торгующее въ Кяхтѣ, намѣрено выстроить каменную церковь, и уже собрало для этого довольно большую сумму.

держали бурю; съ гальёну съѣхать было не
 лзя, и насъ качало двои сущки. Малпросы и пас-
 сажеры всѣ спррадали морскою болѣзнію, кото-
 рую шамъ называютъ *угаромъ*; но я не испы-
 тала этой непріятности: на меня качка судна
 не произвела никакого дѣйствія, и я, сидя въ
 повозкѣ, смопрѣла на кипящую бездну. Черезъ
 двои сущки море (какъ шамъ называютъ Бай-
 калъ) успокоилось; къ ночи подулъ попутный
 вѣтеръ, и корабль полетѣлъ. Какая прелестная
 картина, когда корабль бѣжитъ на всѣхъ пару-
 сахъ, въ ясную ночь, и звѣзды горятъ на небѣ!
 Поутру мы были уже въ Прорвѣ, куда приста-
 ютъ суда; вышедши на берегъ, мнѣ долго каза-
 лось, что земля качается подъ ногами.

Мы переехали въ Посольскій монастырь. Тутъ,
 кромѣ монастыря, большое селеніе, въ которомъ
 мы наняли лошадей до Верхнеудинска. Деревни
 за Байкаломъ довольно въ близкомъ разстояніи
 одна отъ другой, и естъ большія селенія; па-
 ковы: деревни Твараговал, Большая Заимка, Ка-
 банскъ, Троицкій монастырь и проч. Какія пре-
 лестныя мѣста, какіе лѣса и прекрасныя паси-
 бища! Намъ часто вспрѣчались кочующія семей-
 ства Буряты, которыхъ все богатство состав-
 ляютъ табуны скота. Уложивъ свои войлочные
 юрты на быковъ, они гнали свои стада. Буря-
 ты употребляютъ быковъ для работы и пере-
 возки, а Рускіе въ Сибири никогда не дѣла-

юпть этого. Подъѣзжая къ Верхнеудинску, осшановились мы ночевать въ одной деревнѣ и нашли большое семейство. Убравши хлѣбъ, жищели заморья моющъ свои избы, то естъ стѣны и пошолокъ, и можно сказать, что у нихъ шакая чистота, какую найдешь развѣ въ Голландіи. Изба хозяевъ нашихъ была большая, и все семейство пило кирпичный чай; это я видѣла еще въ первый разъ, пошому что въ Иркутскѣ мало пьющъ кирпичнаго чаю. Я думаю, многіе не знаютъ, что такое кирпичный чай и какъ приготавливаютъ его? Онъ вывозится отъ Китайцевъ, на большія суммы, и его пьютъ Таттары, Бурята и Забайкальскіе Рускіе. Они шакъ привыкаютъ къ нему, что онъ дѣлается для нихъ необходимъ. Многія женщины съѣдаютъ даже лишья чаю или выварки, копорья называющся шара. Кирпичный чай имѣетъ видъ доски, длиною вершковъ семь, шириною пять, а толщиною въ вершокъ. Цѣлый кусокъ его называется *кирпичемъ*; лишья его, когда разварится, шакія же, какъ и у обыкновеннаго чая, только гораздо больше; но въ чаѣ, копорый извѣщенъ подъ именемъ байховаго, одни лишья, а въ, кирпичномъ цѣлыя вѣнки. Когда надобно употребить это чай, то берутъ кусокъ его, смотря по количеству, сколько хотятъ приготовить; ставятъ чугунокъ въ печь, и когда закипитъ вода, шолкутъ чай и кладутъ въ кипятокъ; даютъ

еще кипѣль, потомъ кладушъ нѣсколько коровьяго масла, соли и топленаго молока. Когда все это хорошо уварится, разливаюшъ чумичкою въ небольшія деревянныя чашки и пьюшъ съ хлѣбомъ, шаньгами и пирогами. Говоряшъ, что кирпичный чай очень здоровъ, и кто къ нему привыкъ, шъ предпочашаютъ его лучшему байховому. Въ постъ варяшъ его съ шолчеными виѣспивъ съ скорлупою кедровыми орѣхами, и съ шолченымъ коноплянымъ стмемемъ, вмѣсто молока.

Въ Верхнеудинскѣ мы прожили одни сутки. Это хорошій городокъ. Рѣка въ немъ Уда; нѣсколько каменныхъ церквей; есть каменные дома, и вообще всѣ строенія хорошія. Тамошнее купечество торгуешъ въ Кяхтѣ и занимается торговлею пушныхъ товаровъ. Изъ Верхнеудинскѣ мы наняли лошадей до Кяхты. Погода была прекрасная. Селенгинскѣ проѣхали мы не останавливаясь. Тутъ чаще начали намъ встрѣчатъся кочевья Буряшъ. Остановясь въ одной деревнѣ ночевать, я узнала, что близко Бурятскія юрты. Мнѣ хотѣлось видѣшъ ихъ домашній бытъ и вошедши въ юрту, я нашла разведенный среди ея огонь, а на немъ чугунную чашу или лучше сказашъ кошелъ съ приготовленнымъ кушаньемъ. Около огня сполли ребятишки, совершенно нагѣ; маленькй ребенокъ лежалъ въ зыбкѣ, завернушый въ овчины, и сосалъ кусокъ

баранины; машь его вблизи юршы дошла коровъ. Буряты смирны и работящи; рѣдко случается, чтобъ они попадались въ преступленіяхъ.

Когда мы подъѣхали къ Кяхтѣ, день былъ прекрасный. Гуляя, увидѣла я юршу и нашла въ ней нѣсколько женщинъ. Тутъ было довольно число; въ споронѣ, на небольшомъ возвышеніи, спояли маленькіе деревянные болваны, а передъ ними въ мѣдныхъ чашечкахъ пшеница и вода. Одна спаруха Буряшка вынула листокъ тонкой бумаги, съ изображеніемъ на немъ безобразныхъ фигуръ и говорила мнѣ что-то; но я, не зная ни сколько языка ея, ничего не могла понять, кромѣ слова *Бурханъ* (такъ они называютъ своихъ идоловъ). Пошомъ спаруха взяла колокольчикъ и начала звонить. Не знаю, была-ли спаруха Шаманка, или принадлежала къ поколѣнію *Ламъ*, но мнѣ не случилось видѣть этого въ другихъ юршахъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ Троицкую крѣпость. Тамъ у насъ осмопрѣли сундуки и чемоданы. После этого обряда мы заняли квартиру, гдѣ нужно было прожить нѣсколько дней до переезда въ торговую слободу. Нанявши тамъ квартиру, мы переехали на *Нижнюю плотину*: такъ называютъ торговую слободу, гдѣ живутъ купцы, и нѣтъ иныхъ жителей, кромѣ пограничнаго начальника, да священника съ при-

четомъ. Разстояніе между Верхнею и Нижнею площиною 4 версты. Мѣсто это совершенно пустое, и на немъ не позволяютъ селиться, чтобы опираться могущія быть злоупотребленія. Вскорѣ у насъ перебивали всѣ торгующіе Кипайцы. Они очень любопытны, и каждый хочетъ видѣть прїѣзжихъ. Мужъ мой бывалъ въ Кяхтѣ и прежде; потому нашлись изъ нихъ знакомые ему. Многіе говорятъ о Кипайцахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго, но я не нахожу этого справедливымъ. Конечно я видѣла Кипайцевъ только торгующихъ въ Кяхтѣ, и не могу судить о всей націи; но судя по видѣннымъ мною, они вѣжливы, умны, смѣливы, хитры. Одежда Кипайцевъ: азямъ длинный, похожій на Татарскій, по которому подпоясанъ кушакъ; за кушакомъ у каждаго конелекъ съ пабакомъ, огниво и полощенье; сверху азяма курма, очень похожая на наши кацавейки, только съ широкими рукавами; на головѣ шапочка, зимою съ меховымъ околышемъ и съ красною кистью. Ткани употребляютъ они по сословію: у богатыхъ шелковыя и суконныя; у тѣхъ, которые бѣднѣе, кипайчашыя азямы; но курма почти всегда шелковая или суконная. Сапоги у нихъ съ толстыми бумажными подошвами; у нѣкоторыхъ башмаки, по-же съ толстыми подошвами, и спигавые чулки. Лѣтомъ они всѣ носятъ кипайчашыя длинныя плашья, подобныя дамскимъ

блузамъ, и соломенные шляпы; вѣчная ихъ принадлежность—прубка, или, какъ они называютъ, *ганза*. Трубки ихъ маленькія; у некоторыхъ довольно длинныя чубуки. Кипаецъ вѣчно куришь, идя по улицѣ и пришедши въ домъ. Не смотря на чинность и церемоніи Кипайцевъ, они не наблюдаютъ ихъ съ Рускими. Входя въ домъ, просто говорятъ: здравствуй, а некоторые, очень знакомые, берутъ и жмутъ руку, потомъ садятся, курятъ пабакъ и говорятъ между собою или съ хозяиномъ. Не знаю, правду-ли пишутъ о Кипайцахъ, что они придутъ въ гости, и по окончаніи многихъ церемоній, посидѣвши, иногда молча расходятся; совсемъ напрочь въ Кяхтѣ шамъ они очень говорливы, даже шушлывы и остроумны. Всемъ Рускимъ даютъ свои имена и рѣдко ошибутся въ характеръ человека. Вотъ некоторые: *железный громъ*, *чортъ въ Капитанъ*, и разные другія. Съ Рускими говорятъ они изломаннымъ Русскимъ языкомъ, но, привыкнувши, можно хорошо понимать ихъ.

Очень приятно слышать, что купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, учатъ нынѣ дѣтей своихъ Китайскому языку; это должно облегчить торговля сношенія. Кипайцы съ уваженіемъ обходятся съ старшими. Когда приходитъ старикъ, то молодые уступаютъ ему мѣсто. Такое уваженіе, особливо въ родствѣ, простирается да-

же за предѣлы жизни. У Кышайцевъ праурный цвѣтъ бѣлый. Пошерявшіе опца или машь носятъ прзуръ при года, мало по малу сокращая его; послѣдній годъ носятъ сѣрое плашье. Если умеръ дальній родственикъ, то носятъ бѣлый поясъ и бѣлыя чулки. Кышайцы очень любятъ и ласкаютъ маленькихъ дѣшей; вѣроятно, это потому болѣе, что они живутъ въ Кяхтѣ безъ семействъ. Въ Маймачинѣ нѣтъ ни одной женщины. Кушанье готвятъ у нихъ повара. Они не любятъ неопрятныхъ женщинъ, говоря: *она адали маши, то естъ: она почно кухарка. Имъ спранно, что женщины наши пишутъ.* Однажды увидѣли они, что я пишу, и сказали: *а! ты еще пишн умъша.* Удивлялись шакже, что часто заспавали меня съ книгой и говорили: *ты всегда книга почитай.* У меня было между Кышайцами нѣсколько чело-вѣкъ хорошо знакомыхъ, которые приходили въ мою комнату и сиживали шамъ. Особенно два почтенные старика очень любили меня; у обонхъ изъ нихъ были замужнія дочери, и они говари-вали со мной о своихъ семействахъ. Одинъ зна-комый нашъ Кышаецъ, почтенный чело-вѣкъ, былъ шакъ огорченъ, получивши извѣстіе о смерти двухъ дѣшей своихъ, что долго не выходилъ вккуда, да и спустя долгое время печаль выражалась на лицѣ его.

Живши въ Кяхтѣ, мы должны были очень

равно вспахать, потому что по пробити́и упренней зари Кишайцы выходятъ изъ Маймачина и идущъ ко всѣмъ знакомымъ. Хотя не во всякомъ домѣ есть имъ надобность, но они придущъ, сидящъ, говорящъ, курящъ шабакъ; ихъ не лѣзя принимающъ по выбору. Мѣлочники ихъ рѣдко ходящъ по хорошимъ купеческимъ домамъ, кромѣ нѣсколькихъ торгующихъ мѣлочаи. Эти обыкновенно приносящъ шелкъ сученый и шѣневой для шитья гладью, карпинки, куклы, каменные колечки, будумиловые духи въ подушечкахъ, вѣера, деревянные и фарфоровыя чашки, благовонныя чепки, и множество другихъ мѣлочей, изящныхъ въ своемъ родѣ.

—

Я упоминала выше, что въ Иркутскѣ, 15 лѣтъ назадъ, можно было найдти весь наряды, которые носили наши прабабушки лѣтъ за 50 и болѣе; но теперь все испребляется; даже названія нарядовъ, я думаю, скоро исчезнутъ, и потому для любопытныхъ прилагаю слѣдующій реестръ. Это названія старинныхъ нарядовъ и употребляемыхъ на нихъ матерій:

Роброны.

Фуры.

Серпучки.

Шлафроки.

Круглыя плашья.

Молдаванскія плашья.

Кунпуши.

Шушуны длинныя.

Шушуны съ лифомъ и съ маленькимъ воротникомъ.

Кофты разныхъ фасоновъ.

Тълогрѣйки.

Фалборы (это родъ сарафана).

Къ тѣлогрѣйкамъ, шушунамъ и кофтамъ принадлежали:

Юпки.

Юпки иногда къ верху наставляли другой матеріей, похуже, потому что подъ шушунномъ не видно было этого; такую наспавку называли **фурмою.**

Шубы. Епанча или манпиля. Онѣ дѣлались на мѣху, съ широкою опушкою и съ круглою пелеринкой.

Шуба гречанка, длинная, по-же съ круглою пелеринкою и съ длинными, довольно широкими рукавами.

Польки, съ рукавами и небольшимъ воротничкомъ; но ихъ не надѣвали въ рукава, а просто накидывали на плеча.

Тулупчикъ, шуба съ длинными рукавами и небольшимъ воротничкомъ; она не много подлиннѣе колѣна.

Шубочка, корошенькая, какъ нынѣшнія каца-
вѣйки, только съ длинными рукавами.

Салоны вспарину были не много длиннѣе ко-
льна, съ небольшимъ капищомъ.

МАТЕРІА ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ.

Разныя парчи.

Шшофы разныя.

Шшофъ Китайскій по апласу.

Шшофъ букетовый.

Шшофъ браже.

Шшофъ по саржирону.

Шшофъ Французскій.

Апласы разныя съ мушками.

Полосатые, правчатые.

Насыпь, родъ легонькой парчи.

Бархатъ съ золопомъ.

Бархатъ рышый, то есть съ узорами.

Бархатъ гладкій.

Люспришь.

Гризепъ.

Обьяри ткенныя и полуобьяри.

Церуанъ.

Перюсинъ.

Гризентинъ.

Голы разныя, мѣлкоправчатыя и съ больши-
ми узорами

Юпки Кишайскія шишыя.

Юпки Кишайскія рисованныя.

Гургуранъ.

Гарнитуръ Нѣмецкій и Кишайскій.

Канфы, родъ апласу—широкая и очень плотная матерія.

Канчи, родъ левантину; шо-же очень прочныя.

Лензы, легонькій апласъ.

Флеры разные.

Флерь свистунъ.

Флерь рисованный.

Фанза, Кишайская матерія, гладкая и черенковая, родъ тафшы, во моятся, очень хороша и удивительно крѣпка. Ее употребляют на спеганіе; дѣлають изъ нея одѣялы, юпки спеганныя, рубашки мужскія и женскія.

Урубокъ, матерія, копорую Кишайцы дѣлають изъ крапивы.

Чанчи, янчи и менчи дѣлаются изъ шелку не самаго лучшаго.

Тафшы Французскія и Нѣмецкія, во шисшыя и полосатыя.

Кишайки разныхъ родовъ.

Дабѣ, бумажная матерія, разныхъ родовъ Бѣдныя употребляютъ ее на рубашки мужскія и женскія, на юпки, пѣлогрѣйки и на подкладку.

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Пѣсня, когда посадытъ жениха съ невѣсшой за сговоръ. Она поется въ сговорѣ, дѣвичникѣ и свадьбу. Первый стихъ поется дважды, второй однажды, третій опять дважды, четвертый однажды, и такъ далѣе.

Гдѣ былъ лебедь,
Гдѣ лебедка была?
Лебедь былъ
На синемъ морѣ;
Лебедка была
На синихъ заводяхъ.
Нынче они
На одномъ заводѣ,
Нынче они
Одну правку клюютъ;

Нынче они
 Одну воду пьютъ.
 Гдѣ былъ Аншонтъ,
 Гдѣ Ивановчъ былъ?
 Аншонтъ сударь былъ, Ивановчъ былъ
 Въ каменной Москвѣ.
 Аксиныя росла, Павловна росла
 Въ высокѣмъ шерему.
 Нынче они
 За однимъ столомъ сядящъ,
 Нынче они
 Одни ѣшвы ѣдящъ,
 Нынче они
 Одну рѣчь говорящъ.

По пропѣлимъ пѣсни жениху и невѣстѣ, поюшъ по порядку: сначала олицу женихову, потомъ прочимъ гостямъ; сначала мужчинамъ, потомъ женщинамъ.

2.

Ужъ какъ по лугу, лугу, *
 По зеленому лугу,
 Туда шли, прошли шра ропы,
 Три военныя силы:
 Попередъ идешъ ропы
 Господинъ Полковникъ,
 Какъ Иванъ, сударь, Полковникъ,
 Какъ Мешровичъ Полковникъ;

* Къ каждому стиху припѣвы *оре-диди*.

На немъ шуба соболья,
 Ужь какъ люди-шо спросяшь:
 Тебя кто шубой дарилъ,
 Или шестъ, или шенца,
 Или милая Лада?
 А Иванъ, сударь, скажешъ,
 А Петровичъ-шо скажешъ:
 Чшо не шестъ шубой дарилъ
 И не шенца дарилъ,
 И не милая Лада,
 И дарилъ меня шубой
 Государь Императоръ
 За мою службу вѣрну,
 За мою неизмѣнну;
 Я полки собираю,
 Я другіе сряжаю,
 А прешій опправляю.

3.

Какъ не яхонпець по горницѣ кашился,
 Не жемчужина за яхонтомъ кашилась;
 Какъ Пепръ, сударь, на стговорѣ снаряжался,
 Алексѣвичъ на веселое снаряжался;
 Хорошо его молода жена снаряжала,
 Гребешкомъ ему черныя кудри причесала,
 Жестокó ему Авдошья наказала,
 Жестокó ему Андреевна наказала:
 Ужь ты будешь-ли Пепръ, сударь, на стговорѣ,
 Ужь ты будешь-ли Алексѣвичъ на веселомъ?
 Ужь какъ будущъ тебѣ дѣвицы пѣсни пѣли,

Какъ по имени тебя спанушѣ называши,
 По изочесству себя спанушѣ величаши:
 Ты дари-же, сударь, дѣвнцѣ не скупися,
 А дари, сударь, червонцами золошыми.

4.

Не бушуй, не бушуй
 Холодѣвъ вѣперъ,
 Не раскачай, не раскачай
 Звояка колокола,
 Не попусти, не попусти
 Звѣву по землѣ,
 Не разбуди, не разбуди
 У Машвѣя жену,
 Не разбуди, не разбуди
 У Васильевича,
 Свѣшъ душу Анну, свѣшъ душу Анну Ивановну.
 Вечоръ она, вечоръ она
 Во компаньи была,
 Къ ушпру бѣлѣ свѣшу, къ ушпру бѣлѣ свѣшу
 Сына породилѣ,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Не случилось въ дому,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Царь жаловалъ:
 Тремя городами, шремя городами,
 Тремя спольными.
 Въ первомъ городѣ, въ первомъ городѣ,
 Тушѣ вина курдилъ,

Во вшоромъ городу́, во вшоромъ городу́,
 Тупъ пива варяшъ,
 Въ шрешьемъ городу́, въ шрешьемъ городу́,
 Тупъ даша кресшашъ.

5.

Въ зеленомъ-шо саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла.
 Опъ чего-же въ саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла?
 Какъ повѣяли шокіе, буйные
 Вѣперочки, вѣперочки.
 У Михайла въ дому радостъ
 Учинилась, учинилась,
 У Ивановича въ дому радостъ
 Учинилась, учинилась.
 Опъ чего-же въ дому радостъ
 Учинилась, учинилась?
 Молода его жена сына
 Породила, породила,
 А свѣшъ Федосья, душа, сына
 Породила, породила,
 Свѣшъ Пешровна душа
 Сына породила, породила.

6 *.

Среди двора,
 Среди широкѣ,

* Пѣніе стиховъ по одному и по два раза, какъ въ первой пѣснѣ.

Свѣта Сергѣя
 Степановича,
 Выросло
 Золошое пычье,
 Вывился
 Бѣлояровый хмѣль,
 Вырвался
 Его добрый конь,
 Вышопшадъ
 Бѣлояровый хмѣль,
 Выломалъ
 Золошое пычье.
 Всплachtetся, вспужитца
 Аграфена душа,
 Всплachtetся, вспужитца
 Свѣшь Григорьевна.
 Тѣшитъ ее, пѣшитъ ее
 Свѣшь Степанъ господицъ,
 Тѣшитъ ее, пѣшитъ ее
 Свѣшь Васильевичъ:
 Не плачь, не шужи,
 Аграфена моя,
 Не плачь, не шужи
 Свѣшь Григорьевна,
 Выросшемъ
 Золошое пычье,
 Вывьется, вывьется
 Бѣлояровый хмѣль:
 Будемъ мы жить
 Лучше прежняго.

7.

Дорогая наша гостейка,
 А свѣшъ Марья, душа Ивановна,
 На добрыхъ коняхъ прѣвхала,
 Во ашласѣ она, во бархашѣ,
 Собольми гостья обвѣшаная,
 Жемчугомъ гостья унизаная.
 Вы берите шое гостейку,
 За ея-шо ручки бѣлыя,
 За ея-шо перстни злачѣныя;
 Вы ведите шое гостейку
 Во споловую новую горницу;
 Вы садите шое гостейку
 За сполы-шо, за дубовые,
 Вы за скашерши, за браныя,
 Вы за ѣсшва, за сахарныя,
 Вы за пишья, за медвяныя.
 Ты покушай наша гостейка,
 У любезнаго у свашушки,
 У любезной своей свашьюшки.

8.

(Эта пѣсня поется женщиной замужней, у
 кошорой есть дѣшн).

Ужъ какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, *
 По часшымъ переходамъ,

* Пришѣвъ: *оре-диди* повторяется послѣ каждаго спика.

Туда ходила, гуляла
 Дорогая боярыня,
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.
 Во рукахъ носилъ блюдо;
 Какъ на злотоу блюдо
 Три яхонта червленны.
 Ужь какъ первый-то яхоншъ
 Свѣшъ Прокопій Степановичъ,
 А вшорой-то яхоншъ
 Свѣшъ Иванъ сударь Прокопьевичъ;
 А третій-то яхоншъ
 Свѣшъ Василій Прокопьевичъ;
 А какъ золото блюдо
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.

9.

А свѣшъ Аннушку машушка,
 Свѣшъ Пешровну родимая,
 Въ раннюю зорю ее породила,
 Въ Воскресенскую заупрению;
 Малиною ее парила,
 Молочкомъ ее умывала,
 А сама-то приговаривала:
 Ты росни, росни, мое дитяшко,
 Ты, умное дитя, разумное,
 Да шы счастливое, паландивое!
 Отцу матери на честьъ, на хвалу,
 Роду племени на завидоспъ.

10.

Свѣшь Марьюшка по двору ходила,
 Свѣшь Андреева по широкую гуляла,
 Соболиная на ней шубочка до полу,
 Божья на ней милость до вѣка;
 Люди-то спросятъ: чья это шакаля?
 А Давило, сударь, молвишь,
 А свѣшь Дмитіревичъ молвишь:
 Госпожа моя Марья,
 Боярыня моя Андреева.
 Богъ мнѣ далъ шакою,
 Умную, разумную,
 Счастливую, паланливую.

11.

(Поется про молодыхъ неженатыхъ мужчинъ).

Алексѣй господинъ
 На правѣ. 2.
 Свѣшь Павловичъ
 На муравѣ. 2.
 Онъ зеленъ сафьявъ сапогъ
 Надѣваетъ. 2.
 Онъ самъ на себя
 Озираетъ. 2.
 Ахли молодецъ
 Хорошеньекъ, 2.
 Ахли молодецъ
 Пригоженекъ. 2.

Какъ умѣлъ онъ у бабюшки
 Родиться, 2.
 У родимой машушки
 Снарядишься; 2.
 Онъ гораздъ изъ шуга лука
 Спрѣляши, 2.
 Гусей, лебедей
 Побываши, 2.
 Государю Царю
 Ошсылаши; 2.
 А за то Государь Царь
 Его любишь, 2.
 По головущкѣ
 Его гладить. . . . 2.

12.

(Также про молодыхъ и неженатыхъ).

Зачѣмъ, соловей, 2.
 Ты одинъ во саду?
 Право, не одинъ: 2.
 Господь Богъ со мною;
 Много со мной 2.
 И гусей, лебедей;
 Больше того 2.
 Мѣлкихъ шпанечекъ;
 Только со мной вѣшь 2.
 Бѣлой лебедушки.
 Гдѣ ей ни бышь, 2.
 А ей бышь у меня.

Зачѣмъ Григорій,
Зачѣмъ Ивановичъ,
Одинъ въ перему?
Право не одинъ: 2.
Господь Богъ со мною;
Много со мной 2.
И Князей и бояръ;
Больше того 2.
Княжескихъ дѣшей;
Только со мной вѣшь 2.
Моей суженой,
Только со мной вѣшь 2.
Моей ряженой.
Гдѣ ей ни бывъ, 2
А ей бывъ у меня.
Чьей ей ни слышь, 2
А ей слышь моею.

(Когда пропоюшь пѣсни всѣмъ гостямъ, то поюшь пѣсни невѣсшѣ).

13.

Ахъ, шы, солнце, солнце красное!
Ты къ чему рано закашаешься,
Ты за горы, горы высокія,
Ты за лѣсы, лѣсы темныя!
Ахъ, шы свѣшъ-шо наша подруженька,
Ахъ, шы свѣшъ-шо наша голубушка,
Аграфена, свѣшъ, Григорьевна!
Ты къ чему рано за мужъ пошла?

Ты къ чему рано задумала,
 За дороднаго добраго молодца,
 За Семена свѣшъ Андреевича!
 Недозрѣлая въ полѣ ягодка,
 Недорослая красная дѣвица,
 Не накопила ты ума, разума!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои подруженьки!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала,
 Не своей волей, охотою:
 Опдаешъ меня сударь башюшка,
 Свѣшъ Григорій, сударь, Карновичъ,
 Государыня родна мапушка,
 А свѣшъ Марѳа, душа, Фаддеевна,
 Присудили весь и рѣдъ, племя.

14.

Я когда-шо была малешенька,
 Я когда-шо была глупешенька,
 Я ходила кругомъ лавочки,
 Вкругъ дубовой-шо я причалинки.
 Доходила-шо я, красная дѣвица,
 До родимаго до башюшки,
 До Филиппа свѣшъ Пешровича;
 Да какъ бралъ меня сударь башюшка,
 На свои-шо ручки бѣзья,
 Говорилъ-шо сударь башюшка:
 Ты росши, росши мое дитяшко,
 Ты умное дитя, разумное,

Ты счастливое, палаанливое!
 Не опдамъ я тебя, диняшко,
 Ни за Князя, ни за боярина,
 Ни за госпя, госпя торговаго!
 А шеперь на меня прогнѣвался;
 Опдаешъ меня во чужнѣ люди,
 Ко чужому свекру бапюшкѣ,
 Ко чужой свекрови машушкѣ.

15.

(Поешся свапу въ сговоръ и дѣвичникъ.)

Ахъ! вы пѣшухи, пѣшухи,
 Пѣшухи рано пѣвче,
 Молодые Нѣмецкіе!
 Вы не пойше по ушрѣ радѣ,
 На зарѣ рано на ушренней,
 На всходимомъ красномъ солвьшкѣ,
 Не мѣшайше спашъ бапюшкѣ,
 Со родимой моей машушкѣй!
 Какъ вечеръ мой сударь бапюшка,
 Онъ не спалъ долго вечеромъ,
 Что до самой до полуночи,
 Съ полуночи до зашрени.
 Приѣзжали ко бапюшкѣ
 Незваные госпи, нежданые,
 Сваповья все леспливые,
 Все лесплайвые, хваспливые;
 Вызывали моего бапюшку,
 Со родимой моей малушкѣй,

На его сѣни новыя,
 На частыя переходники;
 Они сватались у бапцюшки,
 Свѣшь у Федора Ивановича,
 На любимой его дочери,
 А свѣшь Марья душъ Федоровна;
 Они были руки объ руки,
 Подымали чудны образы,
 Зажигали восковы свѣчи,
 Заручали буйну голову,
 Буйну голову Марьяну,
 А свѣшь Марья, души Федоровны,
 Чщобъ не выкупишь, не выручишь,
 Чшо ни златомъ, ни сѣребромъ,
 Дорогимъ, скашнымъ женчугомъ;
 Только выкупишь, выручишь,
 Удамой доброй мѡлодецъ,
 Свѣшь Прокофій Ивановичъ,
 Все ошъ сваша лесшлываго,
 Ошъ злодѣя лукаваго.
 Сивѣ море всколебалося,
 Тѣмны лѣсы приклонилися,
 Быстры рѣки помушилися.

(Въ продолженіе времени между свадьбою и сговоромъ, когда прѣзжаешъ женихъ къ не-вѣстѣ, поюшъ слѣдующія пѣсни):

16.

Не зычи, гоголь, 2.

Не высоко лещишь; 2.

Хотя вѣ высоко, 2.
 По поднѣбесью лечу. 2.
 Не плачь, душа Дарья,
 Не плачь, душа Пешровна;
 Не далѣко за мужъ опдаюшъ;
 Хотя вѣ далеко, 2.
 Прочь опъ башюшки везушъ. 2.

17.

Я войроманъ сѣла, я васильчики сѣдила.
 Какъ повѣдился въ войроманъ гуляшъ
 Удамой, добрый молодецъ,
 Какъ по имени Василій господинъ,
 По ошечесшву Ивановичъ;
 Всю войроманъ вышопцагъ,
 Всѣ васильчики выщипцагъ,
 Василису, душу, Сидорову.
 Ужъ я сшану бранцу жаловашься,
 Свѣшъ Машвѣю Сидоровичу;
 Какъ опвѣшъ держилъ Машвѣй господинъ,
 Ошвѣчаешъ, свѣшъ Сидоровичъ:
 Государыня сесприца!
 Самъ я холосилъ, не женашъ,
 Самъ я войроманъ шопчу,
 Самъ васильчики щиплю,
 Самъ красныхъ дѣвицъ смотрю.

18.

Вы мешишеса улицы,
 Вы мешишеса широкія,

Становишеса гóроды,
 Городы съ пригорóдками,
 Теремы съ пришеремочками!
 Хоробрò ѣздилъ Пётръ господи́нь,
 Хоробро ѣздилъ Ивановичъ,
 На своемъ на добрòмъ на конѣ,
 На любимомъ своемъ бакматѣ;
 Коня племочкой поспегиваеиъ,
 Со дороженьки сворачиваетъ,
 Ко двору́ приворачиваетъ,
 Ко двору-шо, къ двору шѣстеву,
 Къ новой горницѣ, ко пещиной,
 Къ шерему-шо, свѣшъ, Авдошѣи души,
 Къ высокому, свѣшъ, Степановны.
 А ты спишь-ли, не спишь-ли, Авдошѣя моя,
 А ты спишь-ли, не спишь-ли, Степановна моя?
 Какъ ошвѣшь держишь Авдошѣя ему,
 Ошвѣчаешь свѣшъ Степановна ему:
 Я еще, сударь, нѣ своя;
 Я Божья, да свѣша бапюшкына,
 Свѣшъ Степана Тимошеяча,
 Государыни родной машушкы,
 Аграфены, свѣшъ Семеновны;
 Я злшымъ вѣяцомъ не вѣчанаа,
 Злшымъ першнемъ не обрученая.

19.

Какъ во свѣшлой во свѣшляцѣ,
 Во споловой новой гóрницѣ,
 Какъ въ кушнѣ, за занавѣсой,

Тутъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Машрена Архиповна;
 Подняла кушь завѣвѣсу,
 Какъ взвела очи ясныя,
 Какъ по всей свѣшдой свѣшлицѣ,
 По столовой новой горницѣ;
 Какъ увидѣла, обѣзрела
 Своего брата родимаго,
 Свѣшъ Ивана Архиповича.
 Государь, братаецъ миленькій,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Архиповичъ!
 Ты поди, братаецъ миленькій,
 Ты на свой на конюшій дворъ;
 Поймай, братаецъ миленькій,
 Своего коня добраго,
 Своего иноходаго;
 Осѣдай, братаецъ миленькій,
 Во сѣделушко Черкасское,
 Во уздечку шелковую;
 Поѣзжай, братаецъ миленькій,
 Ты во дѣлече въ чистое поле,
 Въ раздолье широкое;
 Засѣки, братаецъ, засѣку
 Отъ Восшока до Запада,
 Отъ земли да и до неба,
 Ни пройди-бы, ни проѣхати,
 Что ни конному, ни пѣшему,
 Что ни спарому, ни малому,
 Ни большому, ни среднему,
 Ни моему-то суженому,
 Ни моему-то ряженому,

А свѣлъ Дмитрію Ивановичу,
 Со своимъ сѣрушнымъ поѣздомъ;
 А опшуда, брашець миленькій,
 Поѣзжай, брашець миленькій,
 На кружало Государево;
 Ты спроси, брашець миленькій,
 Ты у стараго, у малаго,
 У большаго, у середняго,
 Про моего-то суженаго,
 Про моего-то ряженаго,
 Свѣшь про Дмитрія Ивановича:
 Онъ не пьель-ли пива пьянаго,
 Зелена вина двоенаго?
 Не играешъ-ли косью, каршамъ,
 И во всю игру Нѣмецкую?
 Вамъ опдашь-бы, да не каяшься,
 А мнѣ жишь-бы, да не плакашься,
 Не сидѣшь-бы долго вечеромъ,
 Что до самой до полуночи.

ПѢСНИ, ПОДЪ КОТОРЫЯ ПЛЯСЫВАЛИ НА ВЕЧЕРИНКАХЪ.

1.

Во саду было, подъ яблонью,
 Во зеленомъ, подъ кудрявою,
 Соловей воцекѣчешъ,
 Молодой воцекѣчешъ.

Въ шерему-шо
 Свѣтъ, у Марьи душа,
 Въ высококъ-шо у Ивановны,
 Красны дѣвицы играюшъ.
 Ужь ты слышишь-ли,
 Марья душа,
 Ужь ты слышишь-ли, Ивановна?
 Тебя бабюшка кличешъ,
 Тебя свѣтъ родной кличешъ!
 Охъ! вы свѣтъ-шо мон подруженьки,
 Зачѣмъ раньше не сказали,
 А я право не слыхала.

2.

У души красной дѣвицы
 Новый огородецъ,
 Новый, новый огородецъ,
 Частой часшконецъ;
 Пошатился, повалился,
 Къ землѣ приклонился.
 Опъ того-же опъ мынѣчка
 Лежатъ при слѣдочка,
 Три слѣдочка, два слѣдочка
 Свѣжкомъ призапали,
 Про меня, красну дѣвицу,
 Небыль наказыли.
 Небыль, небыль, небылицу,
 Не былыя рѣчи:
 Будто я, красна дѣвица,
 Порану всшавала,

По упру рано вшавала,
 Голову чесала,
 Ру́су ко́су заплешала,
 Леншочку вилешала,
 Друга провожала;
 Проводила ми́ла дру́га
 До зелéна луга,
 До зеленого лужечка,
 До полу - дорóги;
 Со полу́-шо я дорожки
 Домой ворошилась,
 Назадъ, назадъ ворошилась.
 Съ мильмъ не просшилась.

3.

Изъ бору, бóру,
 Изъ зеленáго,
 Случала, гремя
 Быспрая рѣчка.
 Обросшала быспра рѣчка
 Калиной, малиной.
 На калиновомъ носшóчкѣ
 Сидѣла голубка,
 Нóжевьки мыла,
 Перемывала,
 Свое снзо пѣрышко
 Пѣребирала.
 Перебравши снзо пѣрье,
 Сама взворковала:
 Завтра, по упру
 Батюшка будешь;

Хощь онъ будешъ, аль не будешъ,
Тоски не убудешъ,
Въ двое, въ шрое у голубки
Печали прибудешъ.

4.

Окола сыраго дуба *
Распелъ чернь черница,
А во шой-ли во черницъ
Черенъ соболь скачешъ;
Поскачи, посвачи соболь
По чистому полю,
Поплови, поплóви уця
По пиху Дунаю;
Ищи себъ друга,
Кощораго любяшъ.
Скачише, вы, дѣвушки, плящише,
Вы, холосные, не смонрише,
Смолрючи дѣвушку не взяши,
Взяшъ, не взяшъ по любви,
По башюшкину благословенью,
По мапушкину умоленью.

* Каждый стихъ повторяется.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ

1.

(Одинъ ходишь и поешь. Кого онъ называетъ по имени, тѣ къ нему приспаяють, покуда всѣ играюще не соберутся. Тогда начинаютъ другія игры).

Чижики, пыжики у вороши,
 Воробушекъ маленькій!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Въ хороводъ людей мало,
 Веселился не съ кѣмъ спало.
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Максимъ, сударь, поди къ намъ,
 Егоровичъ присшупись!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!

2.

(Всѣ играюще спановаясь въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужнина ходишь во-кругъ и поешь).

Царевъ сынъ коробѣръ,
 Да ты что ходишь, гуляешь,

Царевъ сынъ коробёръ,
 Да шы чшо примѣчаешъ.
 Царевъ сынъ коробёръ.

★

Я хожу, хожу, гуляю,
 Я хожу, примѣчаю,
 Да свою я Царевну,
 Да свою Королевну.
 А моя-шо Царевна,
 А моя-шо Королевна
 Въ Новъ-городъ гуляешъ,
 На ней вѣничкъ сіяешъ,
 Сарафанъ на ней камчашный.

★

Ты войди, Царь, во городъ,
 Ты возьми ее за ручку,
 Поклонись низенько,
 Поздоровайсь миленько.

3.

Ходишъ Царь
 Около города,
 Около висока;
 Ищешъ Царь,
 Ищешъ Царь
 Царевну свою,
 Королевну свою.

4.

Я хожу, кожу
 Кругомъ городá,
 Я сѣку, рублю
 Мечёмъ ворошá,
 Еще все-ли я
 Красну дѣвицу ищу;
 Еще гдѣ я
 Красну дѣвицу найду,
 Тушъ ее
 Злашымъ першнемъ подарю.

5.

Заплешися, плешень, заплешися,
 Ты завейся, труба золопая,
 Завернися, камка хрущапáд!
 Ужь какъ сврая ушица
 Пополила малыхъ дѣшушекъ,
 Во меду, да во пáшокъ,
 Да во ѣснѣ сахарномъ,
 Да во лишѣ медвѣномъ.

6.

Подъ кóренемъ олень,
 Да подъ дубовымъ олень.
 Тепло-ли ше, олень?
 Студено-ли ше, олень?
 Мяъ не то теплó,
 Мяъ не то студенó.

Приодѣнься олень,
 Приокушайся.
 Какъ со дѣвушки вѣнокъ,
 Со молодушки плашокъ,
 Со сшарой бабы шлыкъ,
 Со малаго ребеночка пеленочка,
 Съ мужичка, бурлачка,
 Поль-корабличка.

(Кшо сидишь въ кругу оленемъ, шощь собираешъ со всѣхъ плашки, леншы, и когда соберешъ со всѣхъ, шо ему поюшь).

Сиди, сиди, ящеръ — ладу́, ладу́!
 На золошъ спудъ — ладу́, ладу́!
 Грызи, грызи ящеръ — ладу́, ладу́!
 Орѣховы ядра — ладу́, ладу́!

7.

(Играющіе раздѣляюшся на двѣ спороны).

1.

Бодре! да вы по чшо пришли?
 Молодые, да вы по чшо пришли?

2.

Княгви! да мы невѣстѣ сморѣшь!
 Молодыя, да мы невѣстѣ сморѣшь!

1.

Бѡяре! покажи́те жени́ха,
Молоды́е, покажи́те жени́ха.

2.

Кня́гини! во се на́шъ жени́шокъ!
Молоды́я, во се на́шъ жени́шокъ.

1.

Бѡяре! покажи́те кафша́нъ,
Молоды́е, покажи́те кафша́нъ.

2.

Кня́гини! во се на́шъ кафша́нъ!
Молоды́я, во се на́шъ кафша́нъ.

1.

Бѡяре! покажи́те куша́къ,
Молоды́е, покажи́те куша́къ.

2.

Кня́гини! во се на́шъ куша́къ!
Молоды́я, во се на́шъ куша́къ.

1.

Бѡяре! покажи́те сапоги,
Молоды́е, покажи́те сапоги.

2.

Кня́гини! во се на́шъ сапожо́къ,
Молоды́я, во се на́шъ сапожо́къ.

Бояре! поздоровашья!
Молодые, со всемъ повздомъ!

—

ЗОЛОТО ХОРОНИТЬ.

И я золото хороню,
Чисто серебро хороню;
Я у башюшки въ шѣрежѣ,
Я у машюшки въ высѣкомѣ.
Палъ, палъ персень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица,
Въ чужой рукѣ быльца.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не ошгадали.
Очумился персень
Да у дворянина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плещучи,
Шелкомъ приплещаячи,
Злащомъ увиваячи.
Куда ушка шла,

Туда пылъ прошла;
Куда и молода,
Туда рожь гусша:
Овинисша, приколѣшисша,
Еще изъ зерна коврига,
Изъ полузерна пирогъ,
Въ голенище широкъ,
Въ шопорище высокъ.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

1.

ПѢСНИ ХЛѢБУ И СОЛИ.

Хлѣбу, да соли дологъ вѣкъ, слава!
Государю нашему долъ шого, слава!
Государь нашъ не сшарѣется, слава!
Его добрыя кони не ѣдятся, слава!
Его цвѣшное плащье не носится, слава!
Его вѣрныя слуги не сшарѣются, слава!

2.

Еще ходитъ Никола по погребу, слава!
Еще, ищентъ Никола не полнаго, слава!

Что не полнаго, не покрываго, слава!
 Еще хочешь Никола дополнити, слава!
 Да кому мы спѣли, шому добро, слава!
 Кому вынешся, скоро сбудешся, слава!
 Скоро сбудешся, не мнуется, слава!

3.

Еще на небѣ
 Да двѣ радуги,
 Какъ у нашего хозяина
 Двѣ радости:
 Еще первая радость —
 Сына женилъ,
 А другая-то радость —
 Дочь за мужъ ошдалъ;
 Еще за сыномъ
 Корабли бѣгушь,
 А за дочерью
 Сундуки везушь.
 А кому мы спѣли, шому добро,
 Кому вынешся, скоро сбудешся,
 Скоро сбудешся, не мнуется.

(Три послѣдніе стиха поются къ каждой пѣснѣ).

4.

Ленивая лѣнивица,
 Ленилася она
 Часшо по воду ходишь;
 Она шѣяла снѣгъ

На печномъ столбу;
 Она выпала
 Позолóшь пёрсшень,
 Позолóшь пёрсшень
 О трехъ сшавочкахъ;
 Да кому эшимъ персшнемъ
 Обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
 Да греблася она на завалинкѣ,
 Еще выгребла позолóшь персшень,
 Позолóшь персшень о трехъ сшавочкахъ.
 Да кому вшимъ персшнемъ обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку черѣзь вороша.
 Ты пади, моя подушка, черѣзь вороша,
 Чшо черѣзь вороша, во высóкій перѣмъ,
 Изъ высока перема на песовую кровашь.
 Да кому на шой подушкѣ спашь, почивашь?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

ПѢСНИ РАЗНЫЯ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Волга-рѣка
 Разливается,
 Широка какъ
 Разспилается;
 Григорій на конѣ,
 Пешровичъ на добромъ,
 Сплотъшается.
 Машрена въ шеремѣ,
 Машвѣвна въ високомъ,
 Снаряжается.
 Снарядилась,
 Горько плакала.
 Какъ будешь идти
 Во чужіе люди;
 Какъ будешь звать
 Свекра башюшкомъ.
 Башюшкомъ звать мнѣ не хочется,
 Свекромъ звать такъ не водится.
 Убавлю я спъса, гордосты,
 Прибавлю я ума, разума,
 Буду звать 2.
 Свекоръ-башюшка.

2.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой, новой горницѣ, оре-ди-ди.
 За споломъ было дубовымъ.
 Тупъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшь Анна Ивановна, оре-ди-ди.

Ко столу припадаешъ,
 Ко ошцу причинаешъ:
 Государь, родной башюшка,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Ивановичъ!
 Ты слыши лице бѣлое
 На столѣ бѣлодубовомъ.
 У тебя гости будутъ,
 У тебя меня спросятъ,
 У тебя меня иѣшу.
 Ты на столѣ-то взглянешъ,
 Меня дѣвицу вспоминаешъ,
 Свѣшъ Анну Ивановну.

3.

Вокругъ моря, вокругъ снѣго,
 Вокругъ снѣго моря Хвальнскаго,
 Облегли шуманы, со марсвами.
 У души, у красной дѣвицы,
 У Матрены души Дмитриевны,
 Вокругъ ея решиваго сердца,
 Облегла шоска со кручиною.
 Государь мой, родной башюшка,
 Свѣшъ Дмитрій Степановичъ!
 Ты возьми саблю ошрую,
 Ты слыши мою бѣлую грудь,
 Посмотри решивое сердце.
 Свѣшъ мое дѣтяшко любезное,
 Свѣшъ Матрева душа Дмитриевна!
 Нечего брашъ саблю ошрую,
 Нечего снимаешъ швою бѣлую грудь,
 Нечего смолѣшъ решивое сердце.

Знашь шебя дншяшко
 По бѣлому лицу:
 Бѣлое лицо пріусмягнуло,
 Алые румянцы призакрылися,
 Ясныя очи понушилися,
 Изъ очей слезы вапилися.

4.

Ахъ, ты свѣшь моя, свѣшная свѣшница,
 Ахъ, ты свѣшь-ли моя, споловая горница,
 Во сыронъ-шо бору свѣшлица роняна,
 По шихому Дону свѣшная павлена,
 На прекрасномъ мѣснѣ свѣшлица спавлена,
 Косляцашыми окошками во зеленый садъ,
 Крупнымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
 Какъ во той-ли-то во свѣшлой во свѣшницѣ,
 Какъ во той ли во споловой, новой горницѣ,
 Наспавлены сполы-шо все дубовые,
 Разоспаваны скашерши бранья;
 А за шѣмъ ли споломъ бѣлодубовымъ
 Сидѣль удалой, добрый молодець,
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ.
 Онъ игралъ въ гусли звончашья,
 Онъ наигрывалъ волю, волю бабюшкову,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу мапушкину.
 Приходила гусли слушать Ольга душа,
 Приходила гусли слушать Анастасевна;
 Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
 Сама вонъ пошла, горько заплакала.
 Ахъ ты свѣшь-шо воля, воля бабюшкина,
 Ахъ ты свѣшь-ли нѣга, нѣга мапушкина.

Опспавать-шо будешъ опъ води, воли башюшкиной,
 Опспавашъ-шо будешъ опъ нѣги, нѣги машушкиной,
 Привыкашъ-шо будешъ ко праву свѣшъ Василія,
 Привыкашъ-шо будешъ ко праву свѣшъ Григорьевича.

5.

На моръ ушка купалася, 2.
 На синемъ сѣрая полоскалася, 2.
 На камушкѣ ушка крылами прясла, 2.
 На бережку ушка сушилася. 2.
 Какъ-шо будешъ съ моремъ разспавалшя, 2.
 Какъ-шо будешъ съ синимъ разспавалшя, 2.
 На дворъ, дворъ, 2.
 У Софрова свѣша у Никишича 2.
 Горяшъ огни, 2.
 Огни, полынъи, 2.
 На шѣхъ на огняхъ, 2.
 Все кошлы спояшъ, 2.
 Во шѣхъ во кошлахъ 2.
 Гуси, лебеди кипяшъ; 2.
 На красномъ крыльцѣ 2.
 Барабаны бьюшъ. 2.
 Во шеремъ 2.
 У Настасьи души, у Софроновны
 Теплятся свѣчи 2.
 Воску враго, 2.
 Молился Богу 2.
 Свѣшъ Настасья душа,
 Свѣшъ Софроновна:
 Создай мнѣ, Боже,

Свекра ласковаго,
Свекровь привѣщиву!
Милаго ладу 2.
Наиначе шого. 2.

6.

Ахъ ты камень, камешекъ,
Самоцвѣшный, лазоревый!
Излежался камешекъ,
На крушой горѣ прошивъ солнышка.
Я брошу камешекъ,
Въ огонь, въ полымя
Разгорись мой камешекъ,
Въ огнѣ, въ полымѣ,
Разсыпся камешекъ,
На чепьуре спороны.
Расплаться дѣвица,
Расплаться красная,
Парасковья Дмишревна,
Передъ своимъ бапюшкомъ,
Передъ родимой машушкой:
Государь мой бапюшка,
Свѣшъ Дмишрій Андреевичъ!
Государыня машушка,
Свѣшъ Анисья Васильевна!
У васъ сердце каменное,
Во будашѣ сковано,
Во ларцѣ положено,
Ключи въ морѣ спущены;
Не всплывашь-шо шѣмъ ключамъ

Со дна моря синяго,
 Со дна Хвалынскаго;
 Не бывасть той жалости,
 У родимаго бапюшки,
 У родимой у мапушки,
 До своего дияткка,
 До Парасковьи Димпревны.

(Слѣдующія пѣсни поюцца въ дѣвичникѣ).

7.

Какъ у груши зеленоя, *
 Какъ у яблони кудрявья,
 Много вѣшья шелковаго,
 Много лисья бумажнаго;
 Только нѣтъ у этой грушницы
 Золотой одной вершиночки.
 У души, у красной дѣвицы,
 Свѣшь у Ольги Ивановны,
 Много роду, много племени,
 Много брашцевъ, сестрицъ,
 Много дялюшекъ, пешушекъ,
 Только нѣтъ у красной дѣвушки
 Родимаго бапюшки.
 Разспунись ты машь сыра земля,
 Ты раскройся гробова доска,
 Пробудися мой родной бапюшка,
 Свѣшь Иванъ сударь Ивановичъ!

* Пѣсню эту поюць когда у невѣсты нѣтъ отца
 шери.

Мнѣ нужно тебя, очень надобно,
Приняшь ошъ тебя благословенъце,
Ко суду Божию, ко злани вънцу.

8.

Замело-то пущь, дорожненьку,
Призапали слѣдки башмачные,
Не бывашь-то мнѣ, не гащивать
У любезной своей подруженьки,
У Надежды души Васильевны,
Во своей-то дѣвичей красотѣ,
Во своей-то шубчашой косѣ.

9.

Ужъ какъ по морю корабль бѣжишь,
По синему черевъ бѣжишь;
По бережку красна дѣвица идетъ;
Она вскрикнула, гаркнула,
Своимъ-то зычнымъ голосомъ:
Корабельнички, гребнички,
Вы приспаванье ко бережку,
Вы возьмише грамошку,
Ко моей то родной теплушкѣ,
Свѣщъ Анисѣ душъ Михайловнѣ.
Напишу-то грамошку
Не перомъ, не чернилами,
А своимъ горючьимъ слезами;
Запечапаю грамошку
Я тоскою, вручнвою.

Ахъ шы шысяцкій воевода, оре-ди-ди. *
 Свѣшъ Пармень воевода,
 Господинъ воевода, воевода,
 Свѣшъ Кондрашевичъ воевода,
 Да шы ѣздилъ въ Угру
 Торговаша, торговаша;
 Да шы бралъ, сударь,
 Не кунами, не кунами,
 И не черными соболями, соболями,
 А шы бралъ, сударь,
 Дѣвцами, дѣвцами,
 Все со русыми со косами, со косами,
 Со дѣвичьими красошами, красошами.

11.

Какъ не ласпочка, не касачочка
 Вкругъ шепла гнѣзда умивалась;
 Она билась, она билась,
 Она бѣлая убивалась.
 Свѣшъ Марья, свѣшъ Пепровна,
 Вкругъ висока шерема ходила.
 Опоприся, опоприся,
 Мой высокъ шеремъ опоприся;
 Опомкнися, опомкнися,
 Мой вишой замочекъ, опомкнися;
 Ошворнися, ошворнися

* Оре-ди-ди повтораешся послѣ каждаго стиха.

Бѣлодубовая дверь, отворися,
 Распахнися, распахнися,
 Шншой, браной положекъ, распахнися;
 Разбудися, разбудися,
 Сударь-башюшко, разбудися.
 Мнѣ не годъ-шо, мнѣ не годъ-шо,
 Мнѣ не годъ-шо у тебя годовашн;
 Мнѣ не лѣшо, мнѣ не лѣшо,
 Мнѣ не красное лѣшо госпыши;
 Мнѣ не зиму, мнѣ не зиму,
 Не спуденую зиму зимовашн.
 Одну ночку, одну ночку,
 Одну шемную ночевашн.
 Не знашь ходя, не знашь ходя,
 Не знашь ходя мнѣ ночь проходиши;
 Не знашь сядя, не знашь сядя,
 Не знашь сядя мнѣ ночь просидѣши;
 Не знашь съ башюшконъ, не знашь съ башюшконъ,
 Не знашь съ башюшконъ говориши,
 Не знашь съ машушкой думу думашь,
 Не знашь съ родимою думу думашь.

12.

Перепелочка, ласшочка,
 Ты зачѣмъ рано вылетаешь
 Изъ своего гнѣзда шеплаго?
 Ахъ, вы свѣшъ мой малыя пшашечки,
 Ахъ, вы свѣшъ мой носашья!
 Не сама шо я вылѣтываю
 Изъ своего-шо изъ шеплаго гнѣздышка.

Выбиваетъ меня младъ, ясенъ соколъ,
 Онъ своимъ-то могучимъ крыломъ.
 Ахъ, ты свѣшь-то наша подружничка,
 Ахъ, ты свѣшь-то наша голубушка,
 Свѣшь Марья душа Ивановна.
 Ты къ чему рано за мужъ пошла,
 Ты къ чему рано задумала
 За дороднаго добраго молодца,
 За Василья свѣшь Васильевича.
 Ахъ, вы свѣшь мои подружнички,
 Ахъ, вы свѣшь мои голубушки!
 Не сама-то я за мужъ пошла,
 Не сама-то я задумала;
 Ошдаешъ меня сударь баштошка,
 Свѣшь Иванъ сударь Прохоровичъ,
 Съ государыней родной машушкой,
 Свѣшь Анясьей душой Андреевной:
 Пришакнули имъ весь родъ, племя.

13.

Не соколъ залешаетъ, оре-ди-ди.
 Не крыломъ замешаетъ.
 Свѣшь Машвѣй заѣзжаетъ,
 Свѣшь Андреевичъ заѣзжаетъ.
 Душу Дарью залучаетъ,
 Свѣшь Пешровну залучаетъ;
 А свѣшь Дарья душа плачетъ,
 Свѣшь Пешровна душа плачетъ;
 А Машвѣй ее шѣшитъ,
 Свѣшь Андреевичъ ее шѣшитъ:
 Ты не плачь, душа Дарья,

Ты не плачь душа Пешровна!
 Не въ полонъ я тебя беру,
 Не въ полонъ полоню,
 Я беру тебя, Дарьюшка,
 Я беру тебя, Пешровна,
 Я ошъ башюшки къ башюшкѣ,
 Я ошъ машушки къ машушкѣ,
 Я ошъ брашцевъ-шо къ брашцамъ,
 Ошъ сесприць-шо къ сесприцамъ,
 Какъ ошвѣшишъ шо держишъ Дарья душа,
 Ошвѣчаетъ Пешровна ему:
 Я сама про шо знаю,
 Я сама про шо вѣдаю,
 Чшо ошъ башюшки къ свекору,
 Ошъ родной ошъ машушки къ свекрови,
 Чшо ошъ брашцевъ къ деверьямъ,
 Ошъ сесприць къ золовкамъ.
 Мнѣ не ша будешъ нѣга,
 Какъ у родимаго башюшки,
 Какъ у родимой у машушки.

14.

(Пѣсни, которыя поютъ въ свадьбу).

Изъ-за лѣса, лѣса шемваго,
 Изъ-за лѣса дремучего,
 Лешинъ спадъ гусиное,
 А другое лебединое.
 Отставала лебедь бѣлая,
 Прочъ ошъ спадъ лебединого;

Приспавала лебедушка
 Ко спаду, спаду гусиному.
 Не умѣшь лебедушка
 По гусиному кликаши.
 Ее спали гуси щипашь,
 А лебедушка кликаше
 Не щипалие, гуси сѣрые,
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Занесли меня вѣшры буйныя,
 Вѣшры буйныя, осенніе.
 Отспавала красная дѣвица,
 Парасковья Степановна,
 Ошъ своихъ по подруженекъ,
 Приспавала Парасковьюшка
 Къ молодымъ-по молодушкамъ.
 Начали ее бабы журиши.
 Не журише, молодушки!
 Не бранише, голубушки!
 Не сама я къ вамъ заѣхала,
 Завезли меня добрые кони,
 Свѣшъ добрые кони Борисовы,
 Свѣшъ добрые кони Ивановича.

15.

Возлезѣй, лелѣй, Волга-рѣка, спруею!
 Ужь не долго шебѣ лелѣяши спруею
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Машѣй, сударь, дочь;
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Сударь Ивановчѣ дочь;

Ужъ не долго тебѣ шѣнши;
 Одинъ часъ до суда Божія,
 Одинъ часъ до злѣша вѣнца.

(Когда благословяшъ невѣсту образомъ опець и
 машь, и посадишъ за столъ, поюшъ пѣсню).

16.

Благодаршвую, батюшка,
 Свѣшъ Игнашій Филаповичъ,
 Тебѣ на хлѣбъ, на соли,
 На премногой швоей милосши;
 Ты цонгъ, кормилъ, жаловалъ,
 И ни въ чемъ не опказывалъ.
 Не опказывай, батюшка,
 Опъ своего благословенья;
 Какъ швое-шо благословеніе,
 Какъ швое-шо великое,
 Изъ шемныхъ лѣсовъ выведешъ,
 Изъ снѣга моря вынесешъ,
 И опъ злыхъ людей оборонишъ.

(Когда прїѣдешъ женихъ за невѣсною).

17.

Шло солнце по залѣсю,
 Шла наша Софьюшка по заснолю,
 Бросила ключи, 2.
 О дубовый столъ.

Я шебъ, башюшка, 2.
 Не ключница,
 Свѣшъ родной, 2.
 Не ларечница.
 Ключница я 2.
 Свекру башюшкѣ,
 Ларечница я 2.
 Свекрови машушкѣ.

18.

Среди было двора, оре-ди-ди.
 Среди широка,
 Свѣшъ Василья,
 Свѣшъ Ивановича.
 Соѣзжались,
 Собирались,
 Князья, бояре;
 Думали они
 Думу крѣпкую:
 Какъ идти къ Василью во дворъ,
 Какъ идти свѣшъ къ Ивановичу,
 Какъ намъ взять Марью душу,
 Какъ намъ взять Васильевну.
 Какъ выискался
 Удалой, добрый молодецъ,
 Свѣшъ Григорій господишъ,
 Свѣшъ Андреевичъ.
 Во се я пойду,
 Во се я возьму,
 Свѣшъ Марью душу,
 Свѣшъ Васильевну.

Ужь какъ у броду, броду, оре-ди-ди.

У калиноваго моста.

Тушъ сподли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича;

Они просили, молили

У Пепра-свѣша милости,

У Ивановича жалости.

А свѣшъ Пешръ сударь вышелъ,

Онъ добра коня вывелъ;

Они взяли, поклонилися,

Опомля они похулили:

Еще что это за конь,

Еще что это за добрый?

Нѣшъ сѣдельшка Черкаскаго,

Нѣшъ уздечки шелковой.

Ужь какъ у брода, брода

У калиноваго моста.

Тушъ сподли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича.

Они просили, молили,

Свѣшъ у Марѣи-души милости,

Свѣшъ у Федоровны жалости.

А свѣшъ Мароа вышла,

А свѣшъ Федоровна вышла,

Кованой ларецъ вынесла.

Они взяли, поклонилися,

Опомля они, похулили:

Еще что это за ларчикъ,
 Еще что это за кованый?
 Нѣшь замочка серебряна,
 Нѣшу ключика золочена.
 Еще у брода, брода,
 У Калиноваго моста.
 Тутъ сподяли Князя, бояре,
 Бояре все Васильевы.
 Бояре все Семеновича.
 Они просили, молили,
 У Федосьи-души милости,
 У Филиппевны жалости. *
 Свѣшь Федосья душа вышла,
 Свѣшь Филиппевна вышла,
 Красну дѣвицу вывела.
 Они взяли, поклонилися,
 Опошли, похвалили,
 Еще чтожъ это за дѣвица,
 Еще чтожъ это за красная!
 Что со русой со косою,
 Что со дѣвичей красотою,
 Свѣшь Марья Петровна.

20.

(Поюшъ въ день свадьбы).

Ахъ, шы выйдн, сударь башюшка,
 Свѣшь Никиша Васильевичъ,

* Это относится къ свѣжъ невѣстинею.

За воропички широкія,
 За вереюшки дубовыя.
 Припади, мой сударь башюшка,
 Ты ко машушкѣ, ко сырой землѣ;
 Ты послушай, мой сударь башюшка,
 Не дрожишъ-ли мать сыра земля?
 Что не слышно-ли конскаго шолошу,
 Молодецкаго посввсшу?
 Что не ѣдешь-ли мой-шо сужевый,
 Что не ѣдешь-ли мой-шо ряжевый,
 Свѣшь Гаврила Ивановичъ,
 Со своимъ-ли крупнымъ повздомъ,
 Еще тысячкй со боярами,
 Княжая свашинька съ подсвадьями.

21.

Свѣшь Агафьюшка
 Со двора съѣзжала, съѣзжала,
 Свѣшь Павловна со широка съѣзжала,
 Со групи вершиночку сломала:
 Ты живи, сударь башюшка,
 Безъ своей любезной дочери.

22.

Какъ не ласпочка прову пропала,
 Не касая дорожкой шла, эй, эй.
 Какъ не бѣлый горностаѣй проскакалъ, эй, эй.
 Проскакали шром дубовы сани, эй, эй.
 А чешвершныя со вырѣзами, эй, эй.
 Какъ во саночкахъ лежаночка спощь, ай, эй.

Во лежаночкѣ Иванушка лежишь, эй, эй.
 На гору конь упирается,
 Подъ гору конь разбѣгается, эй, эй.
 Обѣ калину расшибается,
 На калинѣ соловей плица сидишь, эй, эй.
 Горьку ягоду калинушку клюешь,
 Онѣ малынушкой прикусываетъ, эй, эй.
 На всѣ стороны поглядываетъ,
 Чшо на всѣ-ли на чешыре стороны, эй, эй.
 Ужь ты пой, воспѣвай соловей,
 При печали утѣшай молодца, эй, эй.
 При кручинѣ красну дѣвицу душу, эй, эй.
 Соловей во всю ночь просвиспалъ,
 Молодецъ во всю ночь не спалъ,
 Все во золошы цымбалы проигралъ,
 Все душу красну дѣвицу утѣшалъ.

СЛОВАРЬ

УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ СИБИРИ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ (ПРОВИНЦІЯЛИЗМОВЪ).

—

Баба, столбъ у колодца.

Байдара, лодка Американцевъ, въ которой сядышь два
и шри челвѣка:

Баки чаю, фуншъ чаю.

Барловина, осенняя лучшей дикой козы шкура.

Бастрыкъ, рычагъ и толстая палка.

Безмыкъ, вѣсъ въ два фунта съ половною.

Братанъ, двоюродный братъ; также называютъ дво-
юроднаго брата *сроднымъ*.

Буранъ, сильный вѣтеръ съ порывомъ.

Бурдукъ, жидкій, горячій кисель.

Бусъ, мѣлкій дождь.

Ворнакъ, преступникъ, наказанный и заклеименный; но
такъ называютъ ихъ черный вародъ; болѣе называ-
ютъ ихъ *несчастными*.

Вечёрка, вечеринка.

Вожги, лодчаны или вожашые при опасныхъ мѣстахъ и порогахъ.

Гаймо, куча хламу всякаго и также гнѣздо бѣлки, гдѣ у нея бываешъ нащаскано множество сору и вѣшвей.

Гайтанъ, шнурокъ шовкій; также серебряная плоская цѣпочка, на которой носяшъ крестъ.

Галешникъ, самый мѣлкій булыжникъ.

Гаркать, вликашъ, вскрикивать.

Горбуша, коса на подобіе серпа; шолько ручка у нея гораздо больше: аршина въ полтора. Косяшъ горбушей размахивая въ обѣ стороны, и она болѣе въ употребленіи; но косить ею не выгодно, пошому что она не можешъ снать шравы близко къ землѣ. Косы, какими въ Россіи косяшъ сѣно, называющся въ Сибири *литовками*.

Горболысь, бѣлка, когда она линяешъ вѣсною; тогда шерсть у нея красноватая. На бѣлкѣ, которая еще не довсѣмъ вылиняла, осшаюшся красноватыя пашва, и когда попадаюшся шакія шкурки въ продажѣ, ихъ называюшъ *горболысь*.

Голбецъ, подмостки къ палатамъ въ избахъ. Иногда голбецъ бываешъ закрышый со всѣхъ сторонъ и съ дверями; въ немъ дѣлаюшъ ходъ въ подполье.

Гребенщицы, женщины, которыя занимаюшся гребешъ сѣво.

Гребтитъ, сердце вѣщуешъ, безповоншся.

Гужиръ, солончатая земля; ее много за Байкаломъ; шамъ кладушъ ее въ щелокъ, когда моюшъ бѣлье или пошы.

Гуранъ, дикій козелъ.

Грядка, жердочка въ чуланѣ, на которой вѣшаютъ плащье; ее называютъ и *пересовецъ*.

Даха, шуба козья вверхъ шерстью.

Дивно, много, довольно-таки.

Дока, масшеръ своего дѣла.

Доспѣть, сдѣлать.

Дошлый, продоха, проныра.

Дресва, крупный песокъ.

Дрова кандовыя, лучшія сосновыя и лиственничныя; мѣлкія дрова называются *мендовыми*.

Ереститься, ворчать, браниться пошкхоньку.

Еретикъ, мерщвецъ.

Жирникъ, плочка, налитая саломъ или рыбьимъ жиромъ, для освѣщенія въ избѣ.

Журавецъ, коромысло у колодца.

Завозня, сарай каретный.

Запка, загородный домъ, или по-Малороссійски хуторъ.

Закаяться, опречься навсегда.

Запасъ, мука ржаная и пшеничная.

Заплотъ, заборъ кругомъ дома.

Зародъ, скирдъ сѣна.

Затуранъ, мука пшеничная, поджареная въ коровьемъ маслѣ. Ее употребляютъ разводя чаемъ, или кипящею водою, съ прибавкой соли и молока. Эта смѣсь почищается лекарственною или очень здоровою.

Зимовье, кухня и людская, отдѣльныя ошъ дому; или изба въ отдаленіи ошъ всякаго жилья.

Зыбунъ, трясуна или болошо.

Зыбка, колыбель.

Изморозь, гололедица, особливо во время замерзанія Авгары.

Изурочить, сглазитьъ.

Ишиги, сапоги не на полстой подошвѣ и безъ подшивки.

Казенка, чуланъ.

Калаузь, кожаный мѣшокъ для дороги.

Камлейки, особенный родъ плашья. Ихъ привозятъ изъ Америки, Камчатки, Запигверска и Охотска. Онѣ бывающъ изъ рыбьихъ или кишовыхъ кишекъ, и расшиты, изукрашены волосами и шоякими ремешками морскаго колика. Еще бывающъ камлейки изъ оленьей или лосиной кожи, съ кошорой сядна шерсть и кожа выдѣлана; онѣ немного ниже колѣна, иногда съ капищомъ, кошорый надѣвающъ на голову. Ихъ носятъ почти всѣ живущіе въ шѣхъ мѣстахъ Русскіе промышленники, потому что онѣ предохраняющъ отъ вѣтра и сырой погоды.

Канаться, признавашся, каяшся.

Карбазъ, большой плоскодонный паромъ или барка. Маленькіе карбазы называющся *щитиками*.

Катушка, кашальная гора.

Кислица, красная смородина.

Кислы, сѣрая капуста, квашеная съ просѣянной ржаной мукой.

Клюка, кочерга.

Копоть, пыль.

Корга, ошлогій берегъ, покрышый мѣлкимъ камешни-
комъ.

Котицы, загородки изъ колевь; пакъ ловяшъ онулей
въ осеннее время.

Кортожъ, наемъ дома; нанимающій домъ, *кортолицакъ*.

Курьи, заливы въ рѣкахъ и озерахъ.

Куть, перегородка въ избѣ, гдѣ спряпаюшъ передъ
печью; иногда она состояла изъ какой нибудь занавѣски, повѣшенной на жердочкѣ.

Лабашакъ, родъ аяма или халата изъ верблюжьей
шерсти; получающся ошъ Бухарцевъ.

Лагунъ, ушашъ съ двумя днами и гвоздемъ; въ нихъ
держашъ квасъ и пиво.

Ладно, хорошо.

Латка, глянвная глубокая сковорода.

Ложкобойка, небольшая кадочка, въ кошорой моюшъ
посуду.

Макса, попирохъ налима.

Марево, шуманъ.

Межеумокъ, узкій шопоръ.

Мизгиръ, паукъ.

Молосное, скромная пища.

Мореставъ, время замерзанія Байкала.

Мытница, женщина, кошорая моешъ полы.

Мугникъ, пирогъ изъ ржаного шѣсна, ввнутри посы-
панный солью.

Мпдлникъ, большой мѣдный горшекъ.

Мягкя, вообще пшеничныя пироги, булки и шанъги.

Набирка, буратекъ, особенно для ягодъ.

Наледь, вода сверху льда.

Наливашники, пирожки съ вареньемъ; *наливашники* маленькіе, бисквиты съ вареньемъ.

Наконечники, пришитые къ полощеницу, кружевные или вышитые концы.

Налистники, лепешки изъ жидкаго шѣсна, замѣшан-
ныя на просшоквашѣ и сверху со смешаной. Ихъ
пекутъ на капустныхъ листахъ.

На прокъ, на будущій годъ.

Нельма, бѣлорыбца.

Нерпы, шюлени; они естъ въ Байкалѣ. Между промы-
шленниками естъ повѣрье, что когда поймаютъ нер-
пу, то она плачетъ, и потому въ Иркутскѣ гово-
рятъ: плачетъ, какъ нерпа.

Оболокаться, одѣваться.

Озойной, огромный, большой.

Огоньки, боа изъ собольныхъ хвостовъ.

Опришникъ, опшужденный (опричникъ).

Опружился, осупился, упалъ въ яму или въ воду.

Ошейникъ, галсшухъ изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Падь, узкая долина между двухъ горъ.

Палы, пожары лѣсные. Когда горитъ лѣсъ, то гово-
рятъ: *палы ходятъ*.

Парка, одежда жищелей Якутска, Охотска и Кам-
чатки, изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, бобровъ, ко-
шниковъ, куницъ, пыжиковъ, формою похожая на *кам-
лейку*, шерстью внизъ, а сверху окрашенная особен-
ною красною краскою и обшита бобромъ или ко-
шникомъ.

Пельмени, то-же, что въ Россіи называють ушки. Ихъ дѣлають изъ макароннаго тѣста, съ рубленой говядиной, также съ рыбой, съ грибами, замораживаютъ, и они превращаются въ камешки. Въ такомъ видѣ берутъ ихъ въ дорогу (въ Сибири не бываешь опшечелей), и съобишь опустивъ пельмени въ кипящую воду, кушанье гошова, и очень вкусное.

Перчатки, перчатки.

Пестерь, большое лукошко, сдѣланное изъ тонкихъ драничекъ или прутьевъ.

Пилы, обшитые кожей войлочные копы, или валенки.

Поваренка, уполовникъ, или чумичка.

Подполье, сухой погребъ подъ жильемъ.

Подживотникъ, шесма въ палецъ и въ два шириною.

Подпалтъ, кухня, если она подъ жильми комнатами.

Подпаль, молодая, не дорослая бѣлка; шкура у ней черная.

Подростокъ, дѣвочка или мальчикъ отъ 10 до 15 лѣтъ.

Подорожники, разные припасы на дорогу, кренделъ, булки.

Пожалжата, немного постиранъ бѣлья.

Полазъ, длинный коверъ.

Полубочье, бочка или боченокъ, перелиженный на двое; объ половины называющся полубочьями.

Помощь, работа общими силами нарочно приглашенныхъ, кошорыхъ послѣ этого угощаютъ.

Портище; прежде такъ называлась кишайка, извѣстная бумажная матерія, получаемая отъ Кишайцевъ; она свертывалась въ шрубки и называлась *порти-*

Порча, сглазь. *Порчею* называешъ просшой народъ всѣ непонятныя для него болѣзни.

Поскотина, огорожа для скота подлѣ деревень.

Прикопотки, шерстяные носки.

Пропарина, полынья.

Прорва, узкое мѣсто на рѣкахъ, гдѣ можно проходить судамъ.

Протока, проливъ рѣки.

Прошка, нюхальный шабакъ. Говорятъ: «Онъ пьетъ прошку. или ширкаетъ,» шо есть нюхаешъ шабакъ. Въ Охотскѣ, Якушкѣ, Камчаткѣ, Туземцы и даже Русскіе кладутъ въ рошъ лишья шабаку, и держатъ покуда высосунъ весь сокъ. Это называютъ *лемешною*, и говорятъ: «Онъ кладетъ лемешну за губу.»

Пурга, выюга или метель.

Ровдуга, выдѣланная кожа оленя или лося.

Рѣкоставъ, время замерзанія рѣки.

Сахарники, бисквиты разныхъ видовъ.

Сестреницы, двоюродныя сестры.

Смолость, коровье вымя.

Сношенницы, жены двухъ братьевъ родныхъ или двоюродныхъ.

Сокуй, ледяныя горы, кошорыя набиваешъ на берега Байкала осенью.

Соръ или *соры*, мѣста, гдѣ расщепъ, болѣе въ заливахъ Байкала, права и просшинокъ.

Созатый, лось дикій.

Станокъ, почтовая спанція.

Страда, жашва и время жашвы.

Сротный, рабочникъ, нанятой на срокъ.

Струганина, мерзлая рыба, наспроганная ножемъ.

Это любимое кушанье жишелей Якушка, Охотска и Камчатка.

Стружекъ, легкая съ острьми концами лодка, не поднимающая болѣе шрехъ человекъ.

Стрижка, кухарка.

Судомойка, мочалка.

Сулой, сырой кисель.

Съмяко-дипятко! Упопробительное ласковое слово шарушекъ съ дѣшми.

Таросья, большія льдины при замерзаніи Ангары. По нимъ шарики угадываютъ, плодородный-ли будешь годъ: если много таросьевъ, то много будешь хлѣба.

Толкунцы, штормы на Байкалѣ.

Трапезникъ, спорожъ и прислужникъ церковный. По Воскресеньямъ онъ ходитъ въ дома прихожанъ, съ кузовомъ за плечами, говоря: «Трапезнику мяконькаго» (пшеничнаго). Въ Воскресенье почти вездѣ пекутъ булки и пироги, и въ каждомъ домѣ даютъ ему пирогъ или булку.

Тулузь, мѣшокъ кожаный изъ выдѣланной кожи.

Турсукъ, кузовъ изъ бересшы; въ нихъ привозятъ ягоды, особенно бруснику съ Лены.

Уловы, глубокія ямы въ рѣкахъ, гдѣ вода вершинася какъ въ воронкѣ.

Унты, сапоги изъ барловины, шерстью внизъ, безъ поднаряду; для крѣпости ихъ обшивають внизу кожей.

Уроситъ, говорящъ, когда ребенокъ упрямится; но-же
и о лошади, когда она ршачится.

Усолье, соляной заводъ, содоварня.

Ушканъ, заяцъ.

Хворосты, родъ пирожного. Ихъ дѣлають о масляни-
цѣ, изъ крупичатой муки и свѣжихъ яицъ; расучив-
ши понко шѣсно, вырѣзываютъ рѣзцомъ разныя
фигуры и жарятъ въ маслѣ.

Хлебаыникъ, большой пирогъ изъ сдобнаго шѣсна,
съ рубленой морковью или капустой и рублеными
яйцами. Пирогъ съ рубленой говяжьей называютъ
росольникъ.

Хрушко, что побудь крупно исполченное.

Цыбикъ, ящикъ или *мѣсто* чаю байхового или кир-
ничнаго.

Цыпля, бадья у колодца.

Чалпанъ, кожаный мѣшокъ, въ кошорый Буряты на-
ливаютъ масло.

Чарки, кожаные копы, обувь чернаго народа.

Чебакъ, теплая шапка съ ушами; иногда бываетъ у
нея вазадн лоскутъ, уши поднимаются къ верху
и завязываются лентой; но тогда эту шапку на-
зываютъ *жалахай*.

Чета, говорящъ дѣшамъ, когда показываютъ какую
игрушку.

Шамъга, толстая лепешка, помазаная сверху шворо-
гомъ или смешаной.

Шестокъ, мѣсно подъ лавкою, гдѣ зимою держатъ
куръ, загороженное рѣшеткою.

Шиверы, подводные камни или косы, которые почти выказываются изъ воды.

Ширить, зашивать въ кожи шовары, отправляемые въ дальнюю дорогу. Въ Иркутскѣ и Кяхтѣ есть на это особенные мастера; ихъ называютъ *ширильщижи*.

Шуга, мѣлкій ледъ по рѣкѣ.

Щеки, каменные горы по обѣимъ сторонамъ рѣки или дороги.

Щепетко, хорошо.

Эка втора! междошешіе, выражающее сожалѣніе или удивленіе.

Ярѣный, здоровый, крѣпкій.

Яманъ, козель.

Ямануха, коза.

Еще не такъ давно въ Иркутскѣ угощенія совершенно напоминали старую Русь. Для званыхъ обѣдовъ готовили множесиво кушаньевъ, блюдъ 30 и болѣе. На столѣ ставили пиво, квасъ, медъ, вино; наливки обносили послѣ. Порядокъ блюдъ былъ слѣдующій: сначала подавали холодныя, попомъ супъ и щи, затѣмъ соусы, жаркое и пирожное. Столъ успокаивали холодными блюдами и пирогами. Чаши съ супомъ и щами подавали на столѣ, и кто нибудь изъ знакомыхъ разливалъ. Холодныя, которыя ставили на столѣ: окорокъ вешинны цѣлый; косць у него обвита мѣлко выспряженою бумагою и завязана ленточкою; окорокъ свѣжей свинины или бужанины, украшенный такимъ-же образомъ; поросенокъ, обсыпанный яицами; курицы, по-же обсыпанныя яицами; гуси, обложенные соевыми огурцами и обсыпанные зеленью; утки, украшенные такимъ-же образомъ. Дичина, шеперки, глу-

шеперевы, обложенные лимонами. Къ холоднымъ блюдамъ подавали лимонный сокъ, уксусъ и горчицу. Къ супу и шамъ подавали пирожки, болѣе жареные въ маслѣ; ихъ называли *спускными*. Соусы подавали сначала кислые, потомъ сладкіе: съ говядиной, въ видѣ небольшихъ круглыхъ кошлепъ, съ лукомъ красный; съ почками шо-же красный, кислый; съ курицей бѣлый соусъ. Соусы съ гусемъ, утками и языкомъ дѣлались красные, сладкіе, съ изюмомъ, черносливомъ и миндалемъ; соусы съ дичиной кислые, красные; пашетъ слоеный. Пшеникъ, въ соусникъ запеченный, съ янцами и сахаромъ. Жаркія всѣхъ родовъ подавались каждое разное. Къ жаркому огурцы соленые, огурчики въ шыквѣ, грузди и рыжки соленые, залуспна свѣжая шинкованная. Лѣтомъ зеленый салатъ, арбузы и дыни соленые. Пирожныя: пирогъ сладкій, слоеный; торшты разными манерами, слоенныя: ихъ называли *тѣрки*; вафли, кельцы, кудри, спружки, прубочки, розочки, наливашники двухъ сорповъ; бисквиты; большой бисквитъ, испеченный въ кашпрюлѣ; миндальное разное, въ формахъ печеное, кресшиками, съ вареньемъ; желе и блиманже.

Въ посты также готовили много кушаньевъ: разная рыба, холодная, жаркія; въ соусахъ порядокъ соблюдали шошъ-же, лишь съ шѣмъ различіемъ, что напередъ подавалась икра оседровая, потомъ кулебяка пребольшая, иногда въ аршинъ, съ оседривою, подсыпанною вязигою. Еще въ числѣ жаркихъ одно сосисалялось изъ рыбы. Тѣло рыбы шолкли въ шѣсно, среднюю начинивали вязигой съ фаршемъ и жарили

маслѣ. Это блюдо называлось *кругое тѣльное*, и чѣмъ больше кулебяка и шѣзное, тѣмъ лучше. Цырожныхъ дѣлалось также множество.